УЧЕНІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

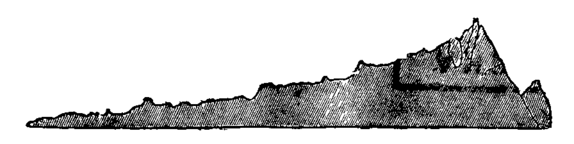
ПРОТИВЪ СТРАХА СМЕРТИ
И
ПЫШНЫХЪ ПОХОРОНЪ.

Составилъ по твореніямъ сего святителя

Свящ. І. Жиловымъ.

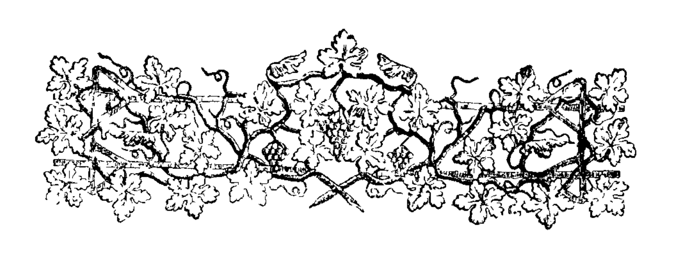
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литогр. И. Ефимова, преем И. С. Ефимовы Б. Якиманка. с. д.
1913.

СВ. ІѠА́ННЪ
ЗЛАТОУСТЪ.

Предисловіе составителя.

Смерть!.. Сколько ужаснаго и страшнаго слышится въ этомъ звукѣ для сердца человѣка — грѣшника! Чья грѣховная душа не трепещетъ при мысли о смерти? Никто не можетъ отрицать того, что большинство изъ насъ — христіанъ смотритъ на смерть, какъ на извѣстнаго рода несчастіе, какъ на неизбѣжное зло, съ которымъ приходится считаться человѣку въ силу необходимости. И отсюда нисколько не удивительно, что нерѣдко приходится наблюдать такого рода явленія: чрез-

мѣрный страхъ и сильный трепетъ, обнаруживаемые умирающимъ при переходѣ его въ вѣчность; затѣмъ, громкое, раздирающее душу рыданіе и безутѣшную скорбь, граничащую съ отчаяніемъ, съ которыми, обыкновенно, провожаютъ покойника въ могилу; наконецъ, пышныя похороны и созиданіе великолѣпныхъ стоющихъ большихъ издержекъ надгробныхъ памятниковъ. Вотъ, таковы въ большинствѣ случаевъ обстоятельства, сопровождающія нашъ переходъ въ загробный міръ. И все это ни о чемъ такъ наглядно не свидѣтельствуетъ, какъ только о слабости нашей вѣры въ безсмертіе души, воскресеніе мертвыхъ и Промыслъ Божій, если не сказать, прямо о невѣріи.

Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ попечительный архипастырь, ревновавшій о нравственномъ благѣ своихъ пасомыхъ, въ своихъ бесѣдахъ

неоднократно касался этихъ ненормальностей христіанской жизни и со всей силою своего ораторскаго таланта, съ глубокой основательностію и замѣчательной убѣдительностію развивалъ свой взглядъ на причины страха смерти и порицалъ грѣховные погребальные обычаи, укоренившіеся въ жизни христіанъ его времени. Намъ кажется, что и современное христіанское общество не можетъ быть названо чуждымъ страха смерти, далекимъ отъ стремленія къ пышности погребенія и къ устройству дорогихъ гробницъ, свободнымъ отъ тѣхъ пороковъ, которые служили предметомъ порицанія въ устахъ св. Златоуста.

Поэтому мы и рѣшились, выпуская въ свѣтъ настоящую книжку, обратить вниманіе православнаго общества на прекрасныя и вполнѣ вѣрныя съ христіанской точки зрѣнія мысли св. отца, которыя разрѣшаютъ насущ-

ные вопросы христіанской жизни: Какъ смотрѣть христіанину на смерть? Что можетъ быть названо худой смертію въ глазахъ христіанина? Какъ должны быть погребаемы христіане и чѣмъ мы можемъ помочь умершимъ нашимъ собратіямъ?

Святаго отца нашего Іоанна Златоустаго ученіе противъ страха смерти и пышныхъ похоронъ.

«Изъ всѣхъ золъ человѣческихъ одинъ грѣхъ есть настоящее зло, а не бѣдность, не болѣзнь, не обида, не злословіе, не безчестіе и даже не смерть,—это, повидимому, самое крайнее изъ всѣхъ золъ. Въ самомъ дѣлѣ, что страшнаго въ смерти, скажи мнѣ? То ли, что она скорѣе приводитъ тебя въ тихую пристань и въ ту безмятежную жизнь? Если и не умертвитъ тебя человѣкъ, то самый законъ природы въ извѣстный срокъ развѣ не разлучитъ тѣла съ душею? Пусть теперь и не случится то, чего мы боимся, но это будетъ спустя немного. Говорю такъ не потому, чтобъ ожидалъ я чего-либо страшнаго

или печальнаго, но потому, что стыдно мнѣ за тѣхъ, которые боятся смерти. Ожидаешь ты такихъ благъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9), и не спѣшишь насладиться ими? Нерадишь и медлишь, и не только медлишь, но еще боишься и трепещешь? И какъ тебѣ не стыдно скорбѣть изъ-за смерти, когда ап. Павелъ воздыхалъ изъ-за настоящей жизни и въ посланіи къ Римлянамъ говорилъ, *яко вся тварь совоздыхаетъ, и мы сами въ себѣ, начатокъ духа имуще, воздыхаемъ* (Римл. 8, 22 [1])? И говорилъ это не въ осужденіе настоящаго, но по сильному желанію будущаго. Вкусилъ я, говоритъ, благодати и не терплю замедленія; имѣю начатокъ духа и стремлюсь къ полному обладанію; восходилъ я на третье небо, видѣлъ неизреченную ту славу, видѣлъ царственное великолѣпіе, уз-

---

[1]) Въ русск. пер.: *Знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ, и не только она, но и мы сами, имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стенаемъ.*

налъ, чего лишаюсь, пребывая здѣсь, и поэтому вздыхаю! Развѣ басня наше ученіе? Если ты христіанинъ, то вѣруй Христу; если вѣруешь Христу, то покажи мнѣ вѣру въ дѣлахъ? Какъ же ты покажешь вѣру въ дѣлахъ? — Если будешь презирать смерть: этимъ мы и отличаемся отъ невѣрныхъ. Они справедливо боятся смерти, потому-что не имѣютъ надежды на воскресеніе, но ты, идя лучшимъ путемъ и имѣя возможность любомудрствовать о надеждѣ на будущее, какое найдешь оправданіе, когда, вѣруя воскресенію, боишься смерти, подобно невѣрующимъ воскресенію? Но я боюсь, говоришь ты, не смерти; не умереть боюсь, но умереть худо, быть обезглавленнымъ. Такъ Іоаннъ [1]) умеръ худо, потому что былъ обезглавленъ? И Стефанъ [2]) также худо умеръ, потому что побитъ кам-

---

[1]) Св. Златоустъ разумѣетъ св Іоанну Предтечу.

[2]) Св. Златоустъ разумѣетъ св. первомученика Стефана, одного изъ семи діаконовъ первенствующей христіанской церкви (Дѣян. 6, 5—7, 60).

нями? И мученики всѣ по вашему умерли жалкою смертію, потому что одни огнемъ, а другіе желѣзомъ лишены жизни; одни брошены въ море, другіе со стремнинъ, а иные въ челюсти звѣрей, и такимъ образомъ скончались? Умереть худо, человѣкъ, значитъ не насильственною смертію умереть, но умереть во грѣхахъ. Послушай, какъ любомудрствуетъ объ этомъ Пророкъ. *Смерть грѣшниковъ люта* (Пс. 33, 22),—говоритъ онъ. Не сказалъ: насильственная смерть люта, но: *смерть грѣшниковъ люта.* И справедливо, потому что по отшествіи ихъ отсюда—нестерпимое наказаніе, нескончаемыя муки, червь ядовитый, огонь неугасающій, тьма кромѣшная, узы неразрѣшимыя, скрежетъ зубовъ, скорбь, тѣснота и вѣчное осужденіе. Когда такія бѣдствія ожидаютъ грѣшниковъ, — какая будетъ имъ польза отъ того, дома ли и на постелѣ своей они окончатъ жизнь? Равно какъ и праведникамъ не будетъ никакого вреда отъ того, что окончатъ настоящую жизнь отъ меча, или

желѣза и огня, когда они имѣютъ перейти къ вѣчнымъ благамъ. Поистинѣ *смерть грѣшниковъ люта*. Такова была смерть того богача, который показалъ презрѣніе къ Лазарю [1]) и, хотя окончилъ жизнь дома, на постелѣ въ присутствіи друзей своею смертію, но по отшествіи горѣлъ въ огнѣ и не могъ найти тамъ никакого утѣшенія въ благоденствіи настоящей жизни. Но не то съ Лазаремъ, нѣтъ; хотя онъ на землѣ богача среди псовъ, лизавшихъ раны его, потерпѣлъ насильственную смерть (ибо что можетъ быть мучительнѣе голода?), но по отшествіи сталъ наслаждаться тамъ вѣчными благами, веселясь на лонѣ Авраама. Какой же былъ ему вредъ отъ того, что онъ умеръ насильственно, и какая польза богачу отъ того, что онъ умеръ не насильственно? Но мы, говоришь, боимся умереть не насильственно, но неправедно;

---

[1]) Св. отецъ напоминаетъ слушателямъ о притчѣ Христовой о богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ (Лк. 16, 19—31).

боимся, не сдѣлавши ничего такого, въ чемъ насъ подозрѣваютъ, быть наказанными наравнѣ съ уличенными въ преступленіи. Что говоришь?—скажи мнѣ. Боишься умереть неправедно? А умереть по дѣламъ—хочешь? И кто же будетъ такой жалкій и несчастный, что, когда бы предстояла ему незаслуженная смерть, захотѣлъ бы лучше умереть по дѣламъ? Если должно бояться смерти, то бояться той, которая постигаетъ насъ по дѣламъ, потому что умершій незаслуженно чрезъ это самое входитъ въ общеніе со всѣми Святыми. Большая часть благоугодившихъ Богу и прославившихся умерли незаслуженною смертію, и первый Авель. Убитъ онъ не за то, что погрѣшилъ въ чемъ противъ брата, или оскорбилъ Каина, но за то, что почиталъ Бога. А Богъ попустилъ это, любя ли его, или ненавидя? Очевидно, что любя и желая за столь неправедную смерть дать ему блистательнѣйшій вѣнецъ. Видишь, что должно бояться не насильственной и незаслуженной смерти, но

смерти во грѣхахъ. Авель умеръ незаслуженно, Каинъ жилъ *стеня и трясыйся* (Быт. 4, 12): кто же, скажи, былъ блаженнѣе,— почившій ли въ правдѣ, или живущій во грѣхахъ,—умершій ли незаслуженно, или наказываемый по дѣламъ?

Хотите, я скажу любви вашей, почему мы боимся смерти? Насъ не уязвила любовь къ царствію, не воспламенило желаніе будущихъ благъ; иначе мы подобно блаженному Павлу презрѣли бы все настоящее; сверхъ того, мы не боимся геенны, потому боимся смерти; не знаемъ нестерпимой тяжести тамошняго наказанія, потому боимся вмѣсто грѣха кончины. Позвольте мнѣ теперь благовременно сказать вамъ: *братіе, не дѣти бывайте умы: но злобою младенствуйте* (1 Кор. 14, 20 [1]). Мы точно питаемъ дѣтскій страхъ, когда боимся смерти, а не боимся грѣха. Ма-

---

[1]) Въ русск. переводѣ: *Братія! не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы.*

лыя дѣти пугаются личинъ, а не боятся огня, но, если случится поднести ихъ къ зажженной свѣчѣ, они, ничего не опасаясь, протягиваютъ руку къ свѣчѣ и огню; ничтожная маска пугаетъ ихъ, а того, что въ самомъ дѣлѣ страшно,—огня они не боятся. Такъ и мы боимся смерти, которая есть ничтожная маска, а не боимся грѣха, который дѣйствительно страшенъ и подобно огню пожираетъ совѣсть. И это, обыкновенно, происходитъ не отъ существа самаго дѣла, но отъ нашего неразумія, такъ что, если мы разсудимъ что такое смерть, то никогда не будемъ ея бояться. Что же такое смерть? То же, что снятіе одежды: тѣло подобно одеждѣ облекаетъ душу, и мы чрезъ смерть слагаемъ его съ себя на краткое время, чтобъ опять получить его въ свѣтлѣйшемъ видѣ. Что такое смерть? Временное путешествіе,—сонъ, который дольше обыкновеннаго. Поэтому, если боишься смерти, бойся и сна; если сокрушаешься объ умершихъ, то сокрушайся и объ

ѣдящихъ и пьющихъ: какъ это дѣло естественное, такъ и то. Не печалься о томъ, что бываетъ по закону природы, печалься болѣе о томъ, что происходитъ отъ злого произволенія; не плачь объ умершемъ, но плачь о живущемъ во грѣхахъ.

Хочешь, скажу и другую причину, по которой мы боимся смерти? Мы не живемъ, какъ должно, не имѣемъ чистой совѣсти. Будь это, — насъ ничто не устрашило бы, ни смерть, ни голодъ, ни потеря имущества, ни другое что-либо такое. Живущему добродѣтельно ничто подобное не можетъ повредить и лишить его внутренняго удовольствія; потому что кто питается благими надеждами, того ничто не можетъ повергнуть въ уныніе. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ люди сдѣлать такое, что мужа доблестнаго заставило бы скорбѣть? Отнимутъ у него деньги? Но у него есть богатство на небесахъ. Выгонятъ изъ отечества? Но чрезъ это пошлютъ его въ гор-

ній градъ. Наложатъ на него оковы? Но онъ имѣетъ свободную совѣсть и не чувствуетъ внѣшнихъ цѣпей. Умертвятъ тѣло? Но оно опять воскреснетъ. И какъ сражающійся съ тѣнью и бьющій по воздуху никого не можетъ поразить, такъ и враждующій противъ пра ведника сражается только съ тѣнью, тратитъ свою силу, а тому не можетъ нанести ни одного удара. Итакъ дай мнѣ только твердую вѣру въ царствіе небесное, и — умертви меня ежели хочешь, сегодня же. Я поблагодарю тебя за смерть, потому что чрезъ нее ты скоро переселяешь меня къ тѣмъ благамъ. Объ этомъ то особенно, говорятъ, и мы скорбимъ, что задерживаемые множествомъ грѣховъ не достигнемъ тамошняго царствія. Такъ перестань плакать о смерти и плачь о грѣхахъ своихъ, чтобы загладить ихъ. Для того и печаль чтобы мы пользовались ею къ уничтоженію нашихъ грѣховъ, а не для того, чтобы скорбѣли о потерѣ имущества, о смерти или о чемъ либо другомъ, тому подобномъ.

Итакъ, не будемъ бояться смерти, но станемъ бояться только грѣха и объ немъ скорбѣть. И это говорю я не потому, чтобъ ожидать чего-либо страшнаго, нѣтъ; но потому, что желаю, дабы вы постоянно имѣли въ себѣ этотъ страхъ и самымъ дѣломъ исполняли законъ Христовъ. *Иже не пріиметъ креста своего*, говоритъ Господь, *и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. 10, 38). Сказалъ же такъ не для того, чтобы мы носили древо на раменахъ, но чтобы всегда имѣли смерть передъ своими глазами, какъ и ап. Павелъ умиралъ каждодневно (1 Кор. 15, 31), смѣялся надъ смертью и презиралъ настоящую жизнь. Ты воинъ и непрестанно стоишь въ строю, а воинъ, который боится смерти, никогда не сдѣлаетъ ничего доблестнаго. Такъ и человѣкъ-христіанинъ, который боится опасностей, не сдѣлаетъ ничего великаго и славнаго; напротивъ, его самого легко одолѣть могутъ,

но смѣлый и великодушный неодолимъ и непобѣдимъ [1]).

Я говорилъ вамъ, что мы боимся смерти не потому, что она страшна, но потому, что насъ не воспламенила любовь къ царствiю, и не объялъ страхъ геенны, а сверхъ того и потому, что не имѣемъ доброй совѣсти. Хотите, скажу и четвертую причину этой неумѣстной боязни,— причину, не менѣе важную и еще болѣе вѣрную, нежели предыдущiя. Мы не ведемъ строгой жизни, какая прилична христiанамъ, но полюбили эту изнѣженную, роскошную и безпечную жизнь; отчего, конечно, и привязаны къ настоящему. Но если бы мы проводили жизнь въ постѣ, въ всенощныхъ бдѣнiяхъ и въ воздержанiи, отсѣкая безпорядочныя свои пожеланiя, отвергая удовольствiя, пребывая въ подвигахъ добродѣтели, по слову ап. Павла: *умерщвляя тѣло и порабощая*

---

[1]) Бесѣды къ Антiохiйск. народу, т I, С.-П. Б. 1859. стр. 285—296.

(1 Кор. 9, 27 [1]), попеченія о плоти не простирая до похотей (Римл. 13, 14), идя тѣснымъ и скорбнымъ путемъ; тогда бы мы тотчасъ возжелали будущихъ благъ и спѣшили освободиться отъ настоящихъ трудовъ. Итакъ не скорби изъ-за смерти: она — отъ природы; скорби изъ-за грѣха; онъ—беззаконное дѣло произволенія. Если же скорбишь объ умершихъ, то скорби и о рождающихся, потому что какъ это дѣло естественное, такъ и то [1]).

Не будемъ бояться смерти, хотя и не пришло время смерти, ибо мы воскреснемъ для жизни гораздо лучшей. Но, скажешь, истлѣетъ тѣло?—Потому-то особенно и должно радоваться, что смерть истлѣваетъ, и смертное погибаетъ, а не сущность тѣла. Когда ты видишь, что выливаютъ истуканъ, то не говоришь, что вещество его пропадаетъ, но что

[1]) Въ русск перев.: *Я усмиряю и порабощаю тѣло мое.*

[1]) Бесѣды къ Антіох. народу, т. I, С.-П. Б. 1859 г., стр. 318—321.

оно получаетъ лучшій образъ. Такъ же разсуждай и о тѣлѣ и не плачь. Тогда бы надлежало плакать, когда бы оно навсегда осталось въ мукахъ Но ты скажешь: это могло бы быть и безъ истлѣнія тѣлъ, такъ чтобъ они оставались въ цѣлости. — А какую бы это принесло пользу или живымъ или умершимъ? Какая бы изъ того была польза, или лучше, какого бы не произошло вреда? Если бы не истлѣвали тѣла, то, во первыхъ, овладѣла бы многими гордость, зло изъ всѣхъ золъ самое большее. Если и нынѣ, когда тѣло подвержено тлѣнію и преисполнено червей, многіе хотѣли быть почитаемы за боговъ, то чего бы не было бы, когда бы тѣло пребывало нетлѣннымъ? Во-вторыхъ, не стали бы вѣрить, что тѣло взято изъ земли. Если и теперь, несмотря на то, что самый конецъ ясно свидѣтельствуетъ, нѣкоторые сомнѣваются въ этомъ, то чего бы не подумали, если бы не видѣли сего? Въ-третьихъ, тогда чрезмѣрно любили бы тѣла, и большая часть лю-

дей сдѣлались бы еще болѣе плотскими и грубыми. Если и нынѣ, когда тѣла совершенно уже истлѣютъ, нѣкоторые обнимаютъ гробы и раки, то чего не стали бы дѣлать тогда, когда бы могли сберегать и самый образъ оныхъ въ цѣлости? Въ-четвертыхъ, не очень бы привержены были къ будущему. Въ-пятыхъ, тѣ, которые утверждаютъ, что міръ вѣченъ, еще болѣе утвердились бы въ сей мысли и не стали бы признавать Бога Творцемъ міра. Въ-шестыхъ, не были бы увѣрены въ достоинствѣ души, ни въ томъ, сколь тѣсно связана душа съ тѣломъ. Въ-седьмыхъ, многіе, лишившіеся своихъ родственниковъ, оставивши города, стали бы жить въ гробницахъ и подобно безумнымъ непрестанно стали бы разговаривать съ своими умершими. Если и нынѣ люди (такъ какъ самаго тѣла удержать не въ состояніи, да и невозможно, потому что оно противъ ихъ воли тлѣетъ и исчезаетъ), снимая портреты, прилѣпляются къ доскамъ, то какихъ

нелѣпостей не вымыслили бы тогда? Мнѣ кажется, что тогда многіе въ честь любимыхъ тѣлъ воздвигли бы храмы, а занимающіеся волхвованіями постарались бы увѣрить, что посредствомъ оныхъ демоны даютъ отвѣты; тогда какъ и теперь имѣющіе дерзость заниматься вызываніемъ мертвыхъ (некромантіею) много дѣлаютъ такого, что еще нелѣпѣе сего, и притомъ дѣлаютъ это тогда, когда сіе тѣло обращается въ прахъ и пепелъ. Какихъ же бы безчисленныхъ видовъ идолопоклонства не произошло отсюда? Итакъ Богъ, отъемля все могущее служить поводомъ къ таковымъ нелѣпостямъ и научая насъ отрѣшаться отъ всего земного, поражаетъ тѣло сіе тлѣніемъ предъ нашими глазами [1]).

Что тяжкаго, скажи мнѣ, заключаетъ въ себѣ смерть? Не есть ли она освобожденіе отъ трудовъ, избавленіе отъ заботъ? Не слы-

---

[1]) Бесѣды на Еванг. Матѳея, ч. II. Изд. 5-е. М. 1864, стр. 109—111.

шишь ли Iова, который въ похвалу ея говоритъ. *смерть мужу покой, егоже путь сокровенъ есть* (Iов. 3, 23 [1])? Не прекращаетъ ли она пороки? Если умираетъ человѣкъ порочный, то смерть полагаетъ конецъ грѣхамъ его: *умерый бо свободися отъ грѣха* (Рим. 6, 7 [2]), т.-е., уже не прилагаетъ грѣховъ ко грѣхамъ; если же умираетъ добро-

---

[1]) Слова Iова имѣютъ такой смыслъ· Смерть человѣка (мужа) прекращаетъ всѣ его душевныя волненія, полагаетъ конецъ всѣмъ его трудамъ и страданiямъ, такъ что является для него покоемъ. И путь человѣка, говоритъ Iовъ, сокровенъ есть, т. е. цѣль самой жизни человѣка съ ея бѣдствiями, страданiями и лишенiями, которыя страдальцу часто кажутся незаслуженными, какъ бы сокрыта отъ человѣка, неизвѣстна ему. Въ оправданiе этого Iовъ ссылается на свои страданiя, причина и цѣль которыхъ недостаточно ясно сознавались имъ, но которыя, по его мнѣнiю, несомнѣнно должны имѣть высокое нравственно-воспитательное значенiе для его жизни, такъ какъ они посылаются ему Премудрымъ и Благимъ Богомъ. Смерть такимъ образомъ, по взгляду Iова, есть покой, успокоенiе человѣка, а самая цѣль того или иного жизненнаго пути человѣка сокрыта отъ послѣдняго *Прим. состав.*

[2]) Въ русск. пер.: *Умершiй освободился отъ* (дѣланiя) *грѣха.*

дѣтельный, то всѣ добрыя дѣла его остаются въ безопасности и въ надежной сокровищницѣ. А живыхъ, скажи мнѣ, смерть не дѣлаетъ ли болѣе благоразумными и кроткими? Не видишь ли, какъ часто богатые, надменные и высоко поднимающіе свои брови, присутствуя при выносѣ покойника и видя тѣло его бездыханнымъ и недвижимымъ, дѣтей сиротами, жену вдовою, друзей унылыми, слугъ въ черныхъ одеждахъ и весь домъ въ печальномъ видѣ, умиляются, смиряются, сокрушаются? Слышавъ прежде множество наставленій и не получивъ никакой пользы, они при такомъ зрѣлищѣ вдругъ дѣлаются любомудрыми, познаютъ ничтожество и тлѣнность человѣческой природы, слабость и непостоянство своей власти, и такимъ образомъ по несчастіямъ другихъ заключаютъ о собственной измѣняемости.

Если и при смерти такъ много грабежей, такъ велико любостяжаніе, и люди подобно рыбамъ сильнѣйшіе пожираютъ слабѣйшихъ,

то до чего не дошло бы любостяжаніе, если бы не было смерти? Если и теперь, когда люди знаютъ, что они не всегда будутъ пользоваться награбленнымъ и должны будутъ волею или неволею предоставить это другимъ, они доходятъ до такого безумія и неистовства; то какъ могла бы когда-нибудь утихнуть злая страсть ихъ, если бы они владѣли тѣмъ безопасно? Еще: не смертію ли сплетаются вѣнцы мученичества? А Павелъ не чрезъ нее ли воздвигъ безчисленное множество трофеевъ? *По вся дни*, говоритъ онъ, *умираю, тако ми ваша похвала* (1 Кор 15, 31 [1]). Не смерть—зло, а худая смерть—зло. Посему Пророкъ и говоритъ: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Пс. 115, 6 [2]). И въ другомъ мѣстѣ: *смерть грѣшниковъ люта* (Пс. 33, 22); называетъ лютымъ то,

[1]) Въ русск. переводѣ: *Я каждый день умираю: свидѣтельствуюсь въ томъ похвалою вашею.*

[2]) По русск. переводу: *Дорога въ очахъ Господнихъ смерть святыхъ Его*.

когда кто отходитъ съ нечистою совѣстію, обремененный и терзаемый сознаніемъ многихъ грѣховъ. А кто имѣетъ чистую совѣсть, тотъ поспѣшаетъ къ наградамъ, переходитъ къ вѣнцу [1]). Какъ земледѣлецъ, видя истлѣвающее зерно, не падаетъ духомъ и не отчаявается, а напротивъ тогда особенно и радуется и восхищается, зная, что это истлѣніе бываетъ началомъ новой жизни и причиной обильнѣйшаго плодоприношенія; такъ и праведникъ, украшенный добрыми дѣлами и ежедневно ожидающій царства, видя предъ глазами своими смерть, не унываетъ, какъ многіе другіе, не смущается и не сокрушается; онъ знаетъ, что для живущихъ праведно смерть есть перемѣна къ лучшему, переходъ къ блаженнѣйшему состоянію, путь къ вѣнцамъ [2]).

Многіе, слышу я, часто говорятъ о родахъ

[1]) Бесѣды на Псалмы. Т. II. С.-П.-Б. 1860 г., стр. 5—7.

[2]) Бесѣды на Псалмы. Т. I-й. С.-П.-Б. 1860 г., стр. 416

смерти и однихъ изъ нихъ, которые на самомъ дѣлѣ не позорны, стыдятся, а другихъ, достойныхъ величайшаго осужденія, не отвращаются; посему я хочу изслѣдовать и этотъ предметъ. Я слыхалъ многихъ говорящихъ: хуже собаки умеръ такой-то въ чужой странѣ, никто изъ родственниковъ не былъ при немъ и не предавалъ его землѣ, но едва немногіе изъ сосѣдей созвали другъ друга, какой-то наемникъ одѣлъ его, и такимъ образомъ онъ преданъ былъ погребенію. Посему, дабы это не огорчало насъ, необходимо исправить подобныя сужденія. Не это, человѣкъ, значитъ умереть хуже собаки, но умереть хуже собаки, значитъ умереть во грѣхахъ, а не окончить жизнь въ чужой странѣ. Не говори мнѣ о томъ, кого несутъ на позлащенномъ ложѣ въ сопровожденіи всего города, котораго славословитъ народъ, на котораго набросаны въ великомъ изобиліи шелковыя и золотыя одежды; это значитъ не что иное, какъ только доставлять обильнѣйшую трапезу червямъ. Не

указывай же мнѣ на него, но покажи этого самаго человѣка, сопровождаемаго съ такою почестью, въ тотъ день, когда Христосъ сядетъ на высокомъ престолѣ, когда его введутъ, призовутъ, потребуютъ отъ него отчета въ томъ, что онъ говорилъ, что дѣлалъ, что думалъ. Тогда никто изъ этого множества народа не защититъ его и не избавитъ отъ наказанія и мученія, и не помогутъ ему эти возгласы и славословія, но съ поникшею головою, съ боязнью, со стыдомъ отъ обвиненій за дѣла свои онъ будетъ отведенъ и увлеченъ злыми силами въ безконечныя мученія съ жесточайшимъ скрежетомъ зубовъ и затѣмъ будетъ безполезно рыдать и терзаться отъ невыносимыхъ страданій. Вотъ что постигнетъ его тамъ, но и то, что будетъ здѣсь, также невыносимо. Ибо послѣ славословій, произносимыхъ при всѣхъ за деньги, или по какому-нибудь страху всѣ будутъ порицать его и на улицахъ, и на торжищѣ, и дома, и въ гостинницахъ, и въ мастерскихъ, и на

пути, и въ селеніяхъ, и вездѣ каждый изъ проходящихъ съ великимъ страхомъ будетъ разсказывать ближнему и говорить, какія онъ получитъ мученія, какія встрѣтятъ его наказанія, какія теперь онъ испытываетъ страданія. Какая была ему польза отъ настоящей жизни? Какое пріобрѣтеніе сдѣлалъ онъ отъ любостяжанія? Онъ отошелъ, оставивъ богатство другимъ, а самъ погребенъ, унесши съ собой грѣхи. Умирающій такимъ образомъ дѣйствительно умираетъ хуже собаки, а съ праведникомъ не бываетъ такъ, но хотя бы онъ оканчивалъ жизнь въ пустынѣ, хотя бы никто не одѣвалъ его, хотя бы никто не присутствовалъ при этомъ, онъ отходитъ, получая достаточное погребеніе въ дерзновеніи предъ Богомъ, получаетъ дивный выносъ отъ ангеловъ, которые присутствуютъ и сопровождаютъ душу его, какъ я прежде показалъ это въ примѣрѣ Лазаря и оставляетъ безчисленныхъ хвалителей его жизни; и хотя бы оставилъ онъ дѣтей, всѣ жители города бу-

дутъ покровителями ихъ и попечителями, воздавая имъ по благорасположенію къ отцу. А тотъ, кто умеръ во грѣхахъ и корыстолюбіи, если при смерти своей оставитъ дѣтей, то дѣлаетъ ихъ наслѣдниками своего нечестія и оставляетъ среди непріятелей; если же окончить жизнь бездѣтнымъ, то въ зданіяхъ и въ прочихъ владѣніяхъ, которыя онъ пріобрѣлъ хищеніемъ и любостяжаніемъ, оставляетъ безсмертное себѣ осужденіе. Напротивъ, праведникъ и послѣ смерти пріобрѣтаетъ величайшія блага, принося пользу всѣмъ чрезъ живое воспоминаніе объ его добродѣтели и дѣлая ихъ лучшими, между тѣмъ какъ порочный и такимъ образомъ наказывается. Ибо тѣ, которые вездѣ оставляютъ доказательства своего любостяжанія, не только при жизни, но и по смерти вредятъ многимъ. Итакъ, зная это, будемъ считать несчастными не тѣхъ, которые умираютъ въ чужой странѣ, а тѣхъ, которые умираютъ во грѣхахъ, и ублажать не тѣхъ, которые умираютъ дома

и на постели, а тѣхъ, которые умираютъ съ добродѣтелью [1]).

Смерть есть упокоеніе, освобожденіе отъ житейскихъ трудовъ и заботъ. Когда увидишь, что кто-нибудь изъ родственниковъ твоихъ отошелъ отсюда, не ропщи, но умились сердцемъ, войди въ себя, испытай совѣсть, помысли, что и тебя немного спустя ожидаетъ такой же конецъ. Вразумись и убойся, видя смерть ближняго, отринь всякую безпечность, разсмотри свои дѣла, исправь прегрѣшенія, измѣни свою жизнь на лучшее. Мы тѣмъ и отличаемся отъ невѣрующихъ, что иначе судимъ о вещахъ. Невѣрующій видитъ небо и поклоняется ему, ибо признаетъ его за бога; видитъ землю и чтитъ ее, и прилѣпляется къ чувственнымъ вещамъ. Мы не такъ; но видимъ небо, и удивляемся Создавшему его; ибо вѣруемъ, что оно не богъ, а

---

[1]) Бесѣды на разные случаи. Т. І-й. С.-П.-Б. 1864 г., стр. 89—92.

дѣло Божіе; вижу я все твореніе и чрезъ него восхожу къ Создателю. Тотъ (невѣрующій) видитъ богатство и изумляется, благоговѣетъ; вижу богатство я и посмѣиваюсь. Тотъ видитъ бѣдность и скорбитъ; вижу я бѣдность и радуюсь. Иначе я смотрю на вещи, иначе онъ. Такъ дѣлаемъ и въ разсужденіи смерти: видитъ мертваго онъ и считаетъ мертвымъ; смотрю я на умершаго и вмѣсто смерти вижу сонъ. И какъ на буквы всѣ мы, и знающіе и не знающіе грамоту смотримъ одинаковыми глазами, но не одинаковою мыслью; незнающіе видятъ только буквы, а знающіе искусно постигаютъ заключающійся въ буквахъ смыслъ: такъ и въ жизни мы смотримъ событія одинаковыми глазами, но не одинаковою мыслью и разумѣніемъ. Итакъ, различаясь отъ язычниковъ во всемъ прочемъ, ужели сойдемся съ ними въ сужденіяхъ о смерти [1])?

Представимъ, что лежитъ бездыханное тѣло,

---

[1]) Бесѣды къ Антіохійск. народу. Т. I, стр. 134—135.

лежитъ на столѣ человѣкъ безъ человѣка, члены безъ духа; ему говорятъ, а онъ не отвѣчаетъ; его зовутъ, а онъ не слышитъ; лежитъ съ блѣднымъ лицемъ, въ измѣненномъ видѣ, въ которомъ выражается самая смерть; при этомъ представляется его непрерывное молчаніе, представляется удовольствіе и польза, которыя отъ него были или могли быть, вспоминаются его отношенія къ другимъ, приходятъ на умъ его пріятныя слова, вспоминается долговременное обращеніе съ нимъ. Вотъ, безъ сомнѣнія, то, что извлекаетъ слезы. вызываетъ рыданіе и повергаетъ всю душу въ глубокую печаль! Противъ этого, столь сильнаго и крѣпкаго оружія скорби, надобно прежде всего поставлять ту мысль, что все, рождающееся въ этомъ мірѣ, необходимо должно умереть. Эго—законъ Божій и неизмѣнный приговоръ, который изреченъ былъ праотцу человѣческаго рода послѣ его грѣхопаденія въ словахъ Божіихъ: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19). Что же но-

ваго, если человѣкъ, на это рожденный, выполняетъ законъ и приговоръ Божественный? Что новаго, если родившійся отъ смертныхъ соотвѣтствуетъ своей природѣ въ томъ, чего избѣжать не могъ? Нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что бываетъ издревле; нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что случается каждодневно; нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что всеобще. Если мы знаемъ, что дѣды и прадѣды наши прошли этимъ же путемъ смерти, если слышали, что и Патріархи и Пророки отъ самаго Адама первосозданнаго переселились изъ здѣшняго міра не безъ смерти, то возведемъ душу свою изъ глубины печали; здѣсь человѣкъ отдаетъ долгъ, которымъ онъ былъ долженъ. Какая же можетъ быть печаль, когда отдается долгъ? Подлинно, это—долгъ, котораго невозможно заплатить никакими деньгами, долгъ, отъ котораго не избавляетъ ни мужество, ни мудрость, ни власть, котораго не могутъ отклонить отъ себя и сами цари. Я, конечно, по

совѣтовалъ бы тебѣ усилить свою печаль, если бы это дѣло происходило отъ нерадѣнія или отъ скупости, тогда какъ можно было бы тебѣ своими средствами откупиться отъ него или отсрочить его; но если это Божіе опредѣленіе, твердое и неизмѣнное, то мы напрасно скорбимъ и спрашиваемъ себя: почему такой то умеръ, когда написано: *Господня, Господня исходища смертная* (Пс. 67, 21 [1]). Такимъ образомъ, если принять во вниманіе это общее условіе нашей жизни, то отягченное око сердца начнетъ чувствовать облегченіе, какъ бы отъ приложенной къ нему первой примочки.

Я знаю, скажешь ты, что это общая участь; знаю, что тотъ, кто умеръ, заплатилъ долгъ; но я представляю происходившее отъ него удовольствіе, припоминаю отношенія его къ другимъ, вспоминаю объ его обращеніи. Если

---

[1]) По русск. переводу: *Во власти Господа Вседержителя врата смерти.*

ты поэтому предаешься скорби, то ты дѣйствуешь ошибочно, а не руководишься разумомъ. Ты долженъ знать, что Господь, Который далъ тебѣ это удовольствіе, можетъ дать и другое, лучшее; и Тотъ, Кто доставилъ тебѣ такое знакомство, имѣетъ достаточно силы вознаградить тебя другимъ образомъ. Что касается пользы, то ты, какъ смотришь на свою пользу, такъ же долженъ думать и о пользѣ умершаго; можетъ быть, это для него полезнѣе, какъ написано: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его: угодна бо бѣ Господеви душа его, сего ради потщася отъ среды лукавствія извести его* (Прем. 4, 11. 14 [1]). А о сообществѣ съ нимъ что мнѣ сказать, когда самое время приводитъ его въ такое забвеніе, какъ будто его никогда не бывало? Посему, что производитъ время и смѣна дней, то гораздо болѣе и должны

---

[1]) По русск. переводу. *Онъ восхищенъ, чтобы злоба не измѣнила разума его;... ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорилъ онъ изъ среды нечестія.*

производить разумъ и здоровое сужденіе. Особенно же надобно помышлять о томъ, что Божественная мудрость изрекла чрезъ Апостола: *сего міра печаль смерть содѣловаетъ* (2 Кор. 7, 10 [1]) Итакъ, если и удовольствіе, и настоящая польза, и знакомство составляютъ предметы здѣшняго міра и радости скоропреходящія, то, смотри, ради ихъ падать духомъ и сокрушаться сердцемъ не есть ли по истинѣ смертельная болѣзнь? Опять я повторяю тѣ же слова: *сего міра печаль смерть содѣловаетъ.* Почему же она производитъ смерть? Потому, что чрезмѣрная печаль обыкновенно доводитъ или до сомнѣнія, или до пагубнаго богохульства.

Но, скажетъ кто-нибудь, какъ же ты запрещаешь оплакивать умершихъ, когда и праотцы плакали, и Моѵсей, рабъ Божій, и многіе Пророки, и даже Іовъ праведнѣйшій разодралъ одежду свою по случаю смерти сыновей

---

[1]) Въ русск. переводѣ: *Печаль мірская производитъ смерть.*

своихъ? Не я запрещаю оплакивать умершихъ, а просвѣтитель народовъ—Апостолъ, который говоритъ: *не хощу васъ, братіе, невѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи неимущіи упованія* (1 Сол. 4, 13 [1]). Тѣ которые жили до закона, или насладились подъ тѣнью закона, оплакивали своихъ мертвецовъ, но свѣтъ Евангелія не можетъ такъ помрачаться. Они справедливо плакали, потому что еще не приходилъ съ небесъ Христосъ, Который осушилъ этотъ источникъ слезъ Своимъ воскресеніемъ. Они справедливо плакали, потому что смиренный приговоръ оставался еще въ силѣ. Они справедливо проливали слезы, потому что еще не было проповѣдано о воскресеніи. Хотя тогда святые ожидали пришествія Господня, но между тѣмъ оплакивали умершихъ, потому что еще не видали Того, Кого ждали. Наконецъ, Симеонъ,

[1]) По русск. переводу: *Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о умершихъ, дабы вы не скорбѣли, какъ прочіе, не имѣющіе надежды.*

одинъ изъ ветхозавѣтныхъ святыхъ, который прежде также безпокоился о своей смерти, послѣ того, какъ принялъ на руки Господа Іисуса младенцемъ во плоти, съ радостью привѣтствуетъ свою кончину и говорить: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ, яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твоѐ* (Лук. 2, 29). О, блаженный Симеонъ! Увидѣвъ то, чего ждалъ, онъ сталъ смотрѣть на свою смерть, какъ на миръ и успокоеніе. А вотъ, скажешь, читается и въ Евангеліи, что плакали и дочери начальника синагоги, и сестры Лазаря оплакивали Лазаря. Но они разсуждали еще по ветхозавѣтному закону, потому что еще не видѣли воскресенія Христова изъ мертвыхъ. Плакалъ, правда, и Самъ Господь о Лазарѣ уже погребенномъ, но не для того, чтобы подать примѣръ оплакивать умершихъ, а чтобы своими слезами показать, что Онъ принялъ истинное тѣло; или вѣроятнѣе, Онъ по человѣческой любви оплакивалъ іудеевъ, которые, несмотря даже на такое чудо,

не имѣли увѣровать въ Него. Ибо не могла быть причиною слезъ смерть Лазаря, о которомъ Самъ Іисусъ сказалъ, что онъ уснулъ, и обѣщалъ пробудить его, какъ и сдѣлалъ.

Итакъ, древніе имѣли свои нравы и свою немощь, какъ жившіе прежде пришествія Христова. Но когда *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), когда приговоръ, изреченный первому Адаму, былъ разрѣшенъ вторымъ Адамомъ, когда Господь разрушилъ нашу смерть Своей смертію и воскресъ изъ мертвыхъ въ третій день, то смерть уже стала не страшна для вѣрующихъ; не страшенъ западъ, когда пришелъ Востокъ свыше. Самъ Господь, Который не можетъ говорить ложь, взываетъ такъ: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ, вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ; и всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки* (Іоан. 11, 25—26 [1]). Ясно,

---

[1]) Въ русск. переводѣ: *Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ.*

возлюбленнѣйшіе братія, говоритъ Божественное изреченіе, что вѣрующій во Христа и соблюдающій заповѣди Его, хотя и умретъ, будетъ живъ. Принявъ это изреченіе и содержа всѣми силами вѣры, блаженный апостолъ Павелъ и предлагалъ такое увѣщаніе: *не хощу невѣдѣти, братіе, васъ о усопшихъ, да не скорбите* (1 Сол. 4, 13). О дивное изреченіе Апостола! Еще прежде, нежели изложилъ свое ученіе, онъ однимъ словомъ уже проповѣдуетъ воскресеніе. Онъ называетъ умершихъ *усопшими* для того, чтобы, выражаясь объ нихъ, какъ о спящихъ, сдѣлать несомнѣннымъ ихъ воскресеніе. *Не скорбите*, говоритъ, о усопшихъ, *якоже и прочіи*. Пусть скорбятъ тѣ, которые не имѣютъ *упованія*, а мы, чада упованія, должны радоваться. А въ чемъ состоитъ наше упованіе, онъ самъ напоминаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: *аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершыя въ Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол.

4, 14 [1]). Іисусъ для насъ—спасеніе, пока мы живемъ здѣсь, и жизнь, когда мы переселимся отсюда. *Мнѣ,* говоритъ Апостолъ, *еже жити Христосъ и еже умрети пріобрѣтеніе есть* (Филип. 1, 21 [2]). Поистинѣ—пріобрѣтеніе, ибо смерть съ пользою прекращаетъ бѣдствія и страданія, которыя сопряжены съ долговременною жизнью [3]).

Видя умершаго, не на то смотри, что онъ сомкнулъ глаза и лежитъ безгласенъ, но на то, какъ онъ воскреснетъ и получитъ неизъяснимую, изумительную и дивную славу и отъ настоящаго видѣнія возведи помыслы къ надеждѣ будущаго. Но ты слѣдуешь обычаю и потому скорбишь и плачешь?—Но не странно ли? Когда ты отдаешь дочь въ замужество,

---

[1]) Въ русск. переводѣ: *Если мы вѣруемъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ.*

[2]) Въ русск переводѣ: *Для меня жизнь—Христосъ,* и *смерть—пріобрѣтеніе.*

[3]) Бесѣды на разныя мѣста Свящ. Писанія. Т. III, С.-П.-Б. 1863 г., стр. 488—494.

не почитаешь несчастіемъ, если мужъ отходитъ съ нею въ дальнюю сторону и тамъ живетъ счастливо, потому что скорбь разлуки облегчается слухомъ объ ихъ благополучіи; а здѣсь, когда не человѣкъ, не сорабъ какой, но Самъ Господь беретъ къ Себѣ твоего родственника, ты печалишься и сѣтуешь!—Какъ же скажешь, возможно человѣку не скорбѣть [1])? Да я и не воспрещаю этого; я воспрещаю только терзаться скорбью, плакать неумѣренно. Я не звѣрь и не безчеловѣченъ. Знаю, что въ этомъ обнаруживается природа, и что она ищетъ содружества и ежедневнаго общенія. Человѣку невозможно не печалиться. Это Самъ Христосъ показалъ, потому что прослезился надъ Лазаремъ. Такъ и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхомъ Божіимъ. Если такъ будешь плакать, то это будетъ знакомъ не того, будто ты не вѣруешь воскресенію, но того, что для тебя тяжела разлу-

[1]) Бесѣды къ Антіохійск. народу Т. І-й, стр. 131—132.

ка [1]). Я запрещаю не скорбь, а чрезмѣрность скорби. ибо скорбѣть свойственно природѣ, но скорбѣть чрезъ мѣру свойственно душѣ безразсудной, умоизступленной и изнѣженной. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не досадуй. Возблагодари Взявшаго, и укрась отшедшаго, и облеки его въ свѣтлую погребальную одежду. Если станешь роптать, то оскорбишь и умершаго, и прогнѣваешь Взявшаго, и повредишь самому себѣ; но если будешь благодарить, то и его украсишь и прославишь Взявшаго и сдѣлаешь пользу самому себѣ. Плачь, какъ Господь твой плакалъ о Лазарѣ [2]),

---

[1]) Бесѣды на Евангеліе Іоанна Богослова. Ч. II, С.-П.-Б. 1862 г. стр 214.

[2]) Что касается того, почему *прослезился* Господь, намѣреваясь вызвать изъ гроба Лазаря (Іоан. 11, 35), то св. І. Златоустъ допускаетъ здѣсь двоякое объясненіе. Іисусъ Христосъ тогда, по его мнѣнію, или плакалъ о Лазарѣ, котораго Онъ любилъ (Ін. 11, 3 и 11), и который теперь уже четыре дня находился во гробѣ (Ін. 11, 17 и 39), что высказываетъ святитель въ своихъ антіохійскихъ бесѣдахъ (см Бесѣды къ Антіох. народу, т. I, 1859, стр. 132 и Бесѣды на Ев. Іоанна, ч. II, 1862,

полагая намъ мѣру, правила и предѣлы скорби, которыхъ преступать не должно. Такъ и Павелъ сказалъ: *не хощу васъ, братіе, невѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи неимущіи упованія* (1 Сол. 4, 13). Скорби, говоритъ онъ, но не какъ язычникъ, не ожидающій воскресенья, не надѣющійся на жизнь будущую. Стыжусь, повѣрьте мнѣ, и краснѣю, когда вижу, какъ на торжищѣ толпы женщинъ безчинствуютъ, рвутъ на себѣ волосы, ломаютъ руки, раздираютъ щеки, и это — въ глазахъ язычниковъ! Чего не скажутъ они, чего не наговорятъ о насъ? Это ли любомудрствующіе о воскресеніи? — Какъ же не такъ! Ибо дѣла ихъ не согласуются

стр. 214), или же оплакивалъ іудеевъ, которые, какъ Онъ предвидѣлъ, не увѣруютъ въ Него, какъ Мессію, даже несмотря на такое чудо, какъ воскрешеніе изъ мертвыхъ Лазаря (см. первую бесѣду Златоуста объ утѣшеніи при смерти). Послѣднее, второе предположеніе кажется св. Златоусту заслуживающимъ большаго вѣроятія (см. Бесѣды на разн. мѣста Свящ. Пис. т. III, стр. 492). *Прим. состав.*

съ ученіемъ; на словахъ разсуждаютъ о воскресеніи, а на дѣлѣ поступаютъ какъ не ожидающіе онаго. Если бы они твердо убѣждены были, что есть воскресеніе, не дѣлали бы этого; если бы увѣрены были, что умершій отошелъ къ лучшей жизни, не плакали бы. Это и еще больше этого говорятъ невѣрные, слыша такой плачъ [1]).

Вѣдь мы плачемъ и о тѣхъ, которые отправляются въ дорогу и разлучаются съ нами, но не такъ, какъ отчаявающіеся. Такъ и ты, плачь объ умершемъ, какъ бы провожалъ отходящаго въ чужую сторону. Это говорю я не съ тѣмъ, чтобы поставить вамъ въ законъ, но по снисхожденію къ вашей немощи. Въ самомъ дѣлѣ, если умершій былъ грѣшникъ и много оскорбилъ Бога, въ такомъ случаѣ должно плакать, или лучше, не плакать только, потому что отсюда для него нѣтъ никакой пользы, но и дѣлать то, что

---

1) Бесѣды къ Антіох. народу. Т. I-й, стр. 132—133.

можетъ принести ему нѣкоторое облегченіе, (творить напримѣръ) милостыню и приношенія. А впрочемъ и въ этомъ случаѣ нужно радоваться, потому что у него отнята возможность грѣшить. Если же умершій—праведникъ, то еще болѣе должно радоваться, потому что онъ находится въ безопасности и уже избавился отъ неизвѣстности будущаго. Если это юноша, должно радоваться, что онъ скоро освободился отъ окружающихъ насъ золъ. Если старецъ,—должно радоваться, что онъ отошелъ, до сытости насладившись тѣмъ, что считается здѣсь вождѣленнымъ. Но ты, забывъ думать объ этомъ, заставляешь рыдать служанокъ, какъ будто дѣлаешь этимъ честь отшедшему. Но это—крайнее безчестіе! Честь для умершаго составляютъ не плачъ и рыданья, но священныя пѣсни и псалмопѣнія, и добрая жизнь. Такой человѣкъ, отойдя отсюда, отойдетъ съ Ангелами, хотя бы и никого не было при его останкахъ. А человѣкъ развратный, хотя бы цѣлый городъ прово-

жалъ его, не получитъ изъ того никакого плода. Хочешь почтить умершаго? Почти его инымъ образомъ, — милостынями, благотвореніями, литургіями. Какая польза отъ многихъ рыданій? А я слышалъ еще и о другомъ тяжкомъ злѣ: говорятъ, будто многія чрезъ плачъ привлекаютъ къ себѣ даже любовниковъ, чрезмѣрностью своихъ воплей составляя себѣ славу женъ, любящихъ своихъ мужей. Какое дьявольское изобрѣтеніе! Какая сатанинская выдумка! Доколѣ мы будемъ земля и пепелъ? Доколѣ — кровь и плоть? Воззримъ на небеса, подумаемъ о духовномъ! Какая будетъ у насъ возможность укорять язычниковъ, какая возможность утѣшать, когда сами поступаемъ такимъ образомъ? Какъ будемъ бесѣдовать съ ними о воскресеніи? Какъ разсуждать о всякомъ другомъ любомудріи? Какъ сами будемъ жить безъ страха? Ужели не знаешь, что отъ печали происходитъ смерть? Помрачая зрѣніе души, печаль не только не позволяетъ ей видѣть

ничего должнаго, но и причиняетъ великій вредъ. Подлинно, когда мы предаемся излишней скорби объ умершемъ, тогда и Бога оскорбляемъ и не доставляемъ пользы ни себѣ, ни отшедшему; а когда поступаемъ напротивъ, и Богу благоугождаемъ и пріобрѣтаемъ доброе мнѣніе у людей. Если мы и сами не будемъ упадать духомъ, въ такомъ случаѣ Богъ скоро уничтожаетъ въ насъ и остатокъ скорби, а если будемъ сильно огорчаться, Онъ предоставляетъ насъ во власть печали. Если будемъ благодарить, то не будемъ скорбѣть. Но какъ возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерялъ сына, или дочь, или жену? Я не говорю: «можно не печалиться», но: «можно не печалиться безъ мѣры». Въ самомъ дѣлѣ, если мы помыслимъ, что ихъ взялъ Богъ, что мужъ и сынъ были у насъ смертные, то скоро получимъ утѣшеніе. Скорбѣть здѣсь — значитъ требовать чего-то вышеестественнаго. Если ты родился человѣкомъ и смертнымъ, то зачѣмъ скорбишь

о томъ, что совершилось собразно съ природою? Ты вѣдь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищею? Вѣдь не домогаешься того, чтобы жить безъ пищи? Такъ поступай и въ отношеніи къ смерти и не ищи до времени безсмертія, когда родился смертнымъ. Это опредѣлено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всѣхъ вообще законоположено [1]).

Послѣ этого, братія, есть ли какое мѣсто сомнѣнію? Можетъ ли еще оставаться страхъ смерти? Если мы — сыны мучениковъ, если мы желаемъ быть ихъ общниками, то не станемъ скорбѣть о смерти, не будемъ оплакивать любезныхъ намъ, отходящихъ прежде насъ къ Господу. Ибо, если мы станемъ скорбѣть объ нихъ, то будутъ укорять насъ блаженные мученики и скажутъ: вы, вѣрующіе и желающіе царства Божія, вы, которые горько плачете и рыдаете о любезныхъ ва-

---

[1]) Бесѣды на Еванг. Іоанна. Ч. II, стр. 214—217

шихъ, умирающихъ спокойно на ложахъ и мягкихъ постеляхъ,—что стали бы вы дѣлать, если бы увидѣли ихъ мучимыми и умерщвляемыми отъ язычниковъ за имя Христово? Развѣ нѣтъ у васъ древнихъ примѣровъ? Праотецъ Авраамъ, принося въ жертву своего единственнаго сына, заклалъ его мечемъ послушанія (Богу), не пощадилъ и того, кого любилъ такою любовію, чтобы доказать свою покорность Господу. Вы скажете, что онъ такъ поступилъ по Божію повелѣнію; но и вы имѣете заповѣдь, чтобы не скорбѣть объ усопшихъ. А кто не соблюдаетъ меньшаго, тотъ какъ соблюдетъ большее? Или вы не знаете, что духъ, который сокрушается въ такихъ обстоятельствахъ, оказывается неспособнымъ къ дѣламъ труднѣйшимъ? Кто боится ручья, тотъ пойдетъ ли когда-нибудь въ море? Такъ и тотъ, кто нетерпѣливо оплакиваетъ потерю, въ состояніи ли будетъ когда-нибудь выступить на подвигъ мученическій? Напротивъ тотъ, кто въ подобныхъ обстоя-

тельствахъ остается твердымъ и великодушнымъ, уже этимъ самымъ устрояетъ себѣ ступень къ подвигамъ важнѣйшимъ.

Этого, братія, достаточно было бы для того, чтобы научиться презрѣнію смерти и утвердиться въ надеждѣ на будущее. Но остается мнѣ привести одинъ примѣръ изъ древности, который можетъ доставить всякое утѣшеніе и который пусть выслушаютъ всѣ слухомъ сердца, хотя бы и страждущаго. Великій царь Давидъ весьма сильно скорбѣлъ, когда любимый его сынъ, котораго онъ любилъ, какъ свою душу, былъ пораженъ болѣзнью; такъ какъ человѣческія средства не приносили никакой пользы, то онъ обратился къ Господу, отложивъ царскую пышность, сидѣлъ на землѣ, лежалъ во власяницѣ, не ѣлъ и не пилъ, молясь Богу цѣлыхъ семь дней въ надеждѣ, не будетъ ли ему возвращенъ сынъ его [1]). Старѣйшины дома его приступали къ нему

[1]) Объ этомъ см. 2 Царст. 12, 15—23.

съ утѣшеніями и просили вкусить хлѣба, опасаясь, чтобъ онъ, желая жизни сыну, самъ прежде него не дошелъ до изнеможенія; но не могли ни убѣдить его, ни принудить, потому что нетерпѣливая любовь обыкновенно не смотритъ и на самыя опасности. Царь лежалъ въ мрачной власяницѣ, а сынъ его болѣлъ; ни слова не доставляли ему утѣшенія, ни потребность пищи не дѣйствовала; душа его питалась скорбью, грудь дышала печалью, вмѣсто питья текли изъ глазъ слезы. Между тѣмъ совершилось то, что было предопредѣлено Богомъ; младенецъ умеръ; жена была въ слезахъ, весь домъ наполненъ былъ стонами, слуги въ страхѣ ожидали, что будетъ; ибо никто не смѣлъ извѣстить господина о смерти сына, опасаясь, чтобы царь, который такъ горько оплакивалъ еще живого сына, не лишилъ себя жизни, услышавъ объ его смерти. Когда слуги совѣщались между собою, когда они въ уныніи то совѣтывали, то запрещали другъ другу говорить, Давидъ понялъ и пре-

дупредилъ вѣстниковъ, спросивъ, не скончался ли сынъ. Не имѣя возможности скрыть, они слезами объявили о случившемся. При этомъ было необыкновенное опасеніе, сильное ожиданіе и страхъ, какъ бы нѣжный отецъ не подвергъ самъ себя опасности. Но царь Давидъ спокойно оставляетъ власяницу, весело встаетъ, какъ будто получивъ вѣсть о безопасности сына, идетъ въ умывальницу и умываетъ свое тѣло, приходитъ въ храмъ, молится Богу, вкушаетъ пищу вмѣстѣ съ приближенными, подавивъ вздохи, отложивъ всякое сѣтованіе, и съ веселымъ лицемъ. Домашніе удивляются, приближенные изумляются этой необыкновенной и внезапной перемѣнѣ и, наконецъ, осмѣливаются спросить его, что это значитъ, что при жизни сына онъ такъ скорбѣлъ, а по смерти уже не скорбитъ? Тогда этотъ необыкновенный по своему великодушію мужъ отвѣчалъ имъ: пока сынъ былъ живъ, то нужно было смириться, поститься и плакать предъ лицемъ Господнимъ, потому

что была надежда на возвращеніе его къ жизни; но, когда воля Господня совершилась, то безразсудно и нечестиво терзать душу безполезнымъ плачемъ; теперь, говоритъ онъ, *азъ имамъ ити къ нему, тое же не возвратится ко Мнѣ* (2 Цар. 12, 23) [1]. Вотъ примѣръ великодушія и мужества! Если же Давидъ, еще бывшій подъ закономъ, имѣвшій, не скажу: позволеніе, а необходимость плакать, если онъ такъ удерживалъ душу отъ безразсуднаго плача и такъ умѣрялъ печаль свою и своихъ приближенныхъ; то мы, живущіе подъ благодатію, имѣющіе вѣрную надежду воскресенія, получившіе запрещеніе всякаго сѣтованія, почему такъ упорно оплакиваемъ своихъ мертвецовъ по примѣру язычниковъ, поднимаемъ безразсудные вопли, какъ бы въ опьяненіи, разрываемъ одежды, обнажаемъ грудь, поемъ пустыя слова и причи-

---

[1]) По русск. переводу: *Я пойду къ нему, а оно не возвратится ко мнѣ.*

танья около тѣла и гробницы усопшаго? Для чего при этомъ окрашиваемъ платье въ черный цвѣтъ, если только не для того, чтобы не только слезами, но и самою одеждою показать себя невѣрующими и жалкими? Все это, братья, должно быть чуждо намъ, непозволительно; а если бы и было позволительно, то неприлично. Впрочемъ, иныхъ изъ братьевъ и сестеръ, которыхъ собственная вѣра ихъ и заповѣдь Господня могли бы сдѣлать твердыми, обезсиливаетъ и сокрушаетъ мнѣніе родственниковъ и сосѣдей, какъ бы не почли ихъ каменными и жестокосердными, если они не перемѣнятъ одежды, если не предадутся съ неистовствомъ безумному плачу.

Но какъ пусто, какъ непристойно думать о мнѣніи людей заблуждающихся, а не бояться того, какъ бы не причинить ущерба вѣрѣ, которую принялъ! Почему бы такому человѣку не поучиться лучше терпѣнію? Почему бы тому, кто сомнѣвается, не научиться отъ меня вѣрѣ? Если бы даже и дѣйстви-

тельно въ груди его была такая печаль, и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы въ безмолвіи умѣрять скорбь разсудительностью, а не разглашать объ ней съ душевнымъ легкомысліемъ.

Хочу предложить еще одинъ примѣръ для исправленія тѣхъ, которые думаютъ оплакивать умершихъ. Этотъ примѣръ—изъ языческой исторіи.

Былъ одинъ языческій начальникъ, имѣвшій единственнаго и довольно любимаго сына. Когда онъ, по языческому заблужденію, приносилъ въ Капитоліи жертву своимъ идоламъ, доходитъ до него вѣсть, что единственнаго его сына не стало Онъ не оставилъ жертвы, которая была въ рукахъ его, не заплакалъ и даже не вздохнулъ, но, послушайте, что отвѣчалъ: «пусть, говоритъ, погребутъ его; я помню, что я родилъ сына смертнымъ». Посмотри на этотъ отвѣтъ, посмотри на мужество язычника: онъ не велѣлъ даже дожидаться себя, чтобы сынъ былъ преданъ погребенію въ его присутствіи. Что же будетъ,

братья, съ нами, если діаволъ въ день суда выведетъ его противъ насъ предъ Христомъ и скажетъ: этотъ почитатель мой, котораго я обольщалъ своими кознями, чтобъ онъ служилъ слѣпымъ и глухимъ истуканамъ, которому я не обѣщалъ ни воскресенія изъ мертвыхъ, ни рая, ни царства небеснаго, этотъ доблестный мужъ, узнавъ о смерти своего единственнаго сына, не опечалился, и не вздохнулъ и не оставилъ при такомъ извѣстіи моего капища, а твои христіане, твои вѣрующіе, за которыхъ Ты распялся и умеръ, чтобъ они не боялись смерти, и были увѣрены въ воскресеніи, не только оплакиваютъ умершихъ и голосомъ, и видомъ, но даже затрудняются тогда идти въ Церковь, а нѣкоторые и изъ клириковъ твоихъ и пастырей прерываютъ свою службу, предаваясь плачу, какъ бы вопреки твоей волѣ. Почему? Потому, что Ты благоволилъ призвать ихъ къ Себѣ изъ тьмы вѣка. Что же будемъ мы, братія, отвѣчать на это? Не будемъ ли мы объяты сты-

домъ, когда въ этомъ отношеніи окажемся ниже язычниковъ? Язычникъ, незнающій Бога, долженъ плакать, потому что онъ, какъ только умретъ, прямо идетъ на казнь. Долженъ сокрушаться и іудей, который не вѣруя во Христа, обрекъ свою душу на погибель. Достойны сожалѣнія также и наши оглашенные [1]), если *они* или *по своему* невѣрію, или по нерадѣнію ближнихъ скончаются безъ спасительнаго крещенія. Но кто освященъ благодатію, запечатлѣнъ вѣрою, честенъ по поведенію и неизмѣненъ въ невинности, того, когда онъ отойдетъ изъ здѣшняго міра, надобно ублажать, а не оплакивать, тому надобно завидовать, а не плакать объ немъ, впрочемъ завидовать умѣрено, такъ какъ мы знаемъ, что въ свое время и мы послѣдуемъ за ними.

---

[1]) Оглашенными назывались въ древней христіанской Церкви тѣ, которые еще не приняли св. крещенія, а только приготовлялись къ нему посредствомъ устнаго „оглашенія", т. е. наставленія въ первоначальныхъ истинахъ вѣры. Прим. сост.

Итакъ, вѣрующій, отри слезы, удержи вздохи, прекрати рыданія и вмѣсто этой печали прими на себя ту спасительную печаль, которую блаженный Апостолъ назвалъ *печалію яже по Бозѣ*, которая обыкновенно доставляетъ вѣрное спасеніе т.-е., раскаяніе въ сдѣланныхъ проступкахъ (2 Кор. 7, 10). Испытай свое сердце, спроси свою совѣсть и, если найдешь что нибудь, требующее покаянія, а ты найдешь это, какъ человѣкъ,— то вздыхай при исповѣданіи грѣховъ, проливай слезы въ молитвѣ, сокрушайся объ истинной смерти, о наказаніи души, сокрушайся о грѣхахъ, какъ говоритъ Давидъ: *яко беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну* (Пс 50, 5); а не страшись разрушенія этого тѣла, которое въ свое время по повелѣнію Божіему обновится къ лучшему. Посмотри, какъ опредѣленіемъ Божіимъ назначено и то и другое: *грядетъ часъ*, говоритъ оно, *егда сущіи во гробѣхъ оживутъ* (Іоан. 5, 25. 28). Вотъ успокоеніе, вотъ по-

бужденіе къ презрѣнію смерти! А что далѣе? *И изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5, 29 [1]). Вотъ и различіе между воскресшими! Воскреснуть должно всякому тѣлу человѣческому; но добрый воскреснетъ для жизни, а злой воскреснетъ для казни, какъ написано: *сего ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ* (Пс. 1, 5 [2]). Посему, дабы намъ воскреснуть не для осужденія, перестанемъ скорбѣть о смерти, а пріимемъ на себя печаль раскаянія, позаботимся о добрыхъ дѣлахъ и о лучшей жизни будемъ думать о прахѣ и объ умершихъ, для того, чтобы помнить что и мы смертны и чтобы при такомъ воспоминаніи намъ не пренебрегать своимъ

---

[1]) Въ русск. переводѣ: *И изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія.*

[2]) По русск. переводу: *Потому не устоятъ нечестивые на судѣ, и грѣшники—въ собраніи праведныхъ.*

спасеніемъ, пока есть время, пока еще возможно, или приносить лучшіе плоды и исправляться если мы согрѣшили по невѣденію, дабы намъ, если день смерти застигнетъ насъ нечаянно, не пришлось искать времени для покаянія и не находить его, просить милости и возможности загладить грѣхи и не получить желаемаго.

Итакъ, братія, мы показали всеобщность смерти, объяснили непозволительность слезъ, показали немощь древнихъ и несвойственность ея для христіанъ, объяснили тайну Господню, привели свидѣтельство Апостоловъ, упомянули о дѣяніяхъ Апостоловъ и страданіяхъ мучениковъ, указали на примѣръ Давида, и кромѣ того, на поступокъ язычника, наконецъ представили и вредную и полезную печаль, ту, которая вредитъ, и ту, которая спасаетъ чрезъ покаяніе. Когда такимъ образомъ все это показано, то и что другое должно дѣлать намъ, братія, какъ не взывать съ благодарностью къ Богу Отцу: *да будетъ воля Твоя, яко на*

небеси и на земли (Мѳ. 6, 10)? Ты даровалъ жизнь, Ты установилъ и смерть; Ты вводишь въ міръ, Ты изводишь изъ міра и, изведши сохраняешь, никто изъ Твоихъ не погибаетъ; ибо Ты сказалъ, что и волосъ съ головы ихъ не погибнетъ (Лук. 21, 18). *Отъимеши духъ ихъ и изчезнутъ, и въ персть свою возвратятся*; но *послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 29—30 [1]). Вотъ, братія, слова достойныя вѣрующихъ, вотъ спасительное врачевство; чей глазъ отертъ губкою этого утѣшенія; увлаженъ съ благоразуміемъ этою примочкою, тотъ не только не почувствуетъ слѣпоты отчаянія, но не испытаетъ и малѣйшаго нагноенія печали, а, взирая на все свѣтло очами сердца, будетъ говорить подобно терпѣливѣйшему Іову: *Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть*;

[1]) По руск. переводу: *Отнимешь духъ ихъ—умираютъ и въ персть свою возвращаются: пошлешь духъ Твой—созидаются, и Ты обновляешь лице земли.*

буди имя Господне благословенно во вѣки (Іов. 1, 21[1]).

Никто уже не долженъ плакать, никто не долженъ скорбѣть и порицать исправленіе Христово. Ибо Онъ побѣдилъ смерть. Итакъ, что же ты напрасно плачешь? Смерть уже не есть что иное, какъ сонъ. Для чего же ты сѣтуешь и рыдаешь? Для чего ты посрамляешь умершаго? Для чего другихъ заставляешь трепетать смерти? Для чего принуждаешь многихъ обвинять Бога, какъ будто бы Онъ уготовалъ для насъ великія бѣдствія? Или, еще болѣе, для чего ты по смерти кого-либо изъ присныхъ созываешь нищихъ, просишь священниковъ, чтобъ они молились объ немъ?— Для того, скажешь ты, чтобъ умершій получилъ успокоеніе, чтобы Судья былъ милостивъ къ нему. Итакъ, объ этомъ-то ты плачешь и рыдаешь? Но ты противорѣчишь себѣ самому.

---

[1]) Бесѣды на разн. мѣста Свящ. Писанія, т. III-ій, стр. 503—511.

Отъ чего онъ [1]) удалился въ пристань, тѣмъ ты его подвергаешь бурѣ. Но что же дѣлать, скажешь ты? Такова природа наша! Нѣтъ, не вини природу и не почитай слезъ своихъ необходимыми. Мы сами все превращаемъ, сами предаемся слабостямъ, сами унижаемъ себя и невѣрныхъ дѣлаемъ худшими [2]).

Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя? И это несвойственно любящему—желать, чтобъ онъ еще сѣтовалъ о тебѣ и подвергался неизвѣстности (твоего) будущаго, тогда какъ ему слѣдуетъ быть увѣнчаннымъ и идти къ пристанищу, или чтобы онъ обуревался волнами, тогда какъ ему можно быть въ пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошелъ онъ? Какъ не знаешь, скажи мнѣ? Онъ жилъ или праведно или нѣтъ: поэтому извѣстно, куда отойдетъ онъ. Потому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что онъ умеръ грѣ-

---

[1]) Т.-е. умершій. *Прим. состав.*

[2]) Бесѣды на Еванг. Матѳея. Ч. II, стр. 42—44

шникомъ. Это—одна отговорка и предлогъ; если бы ты поэтому оплакивалъ умершаго, то тебѣ надлежало бы исправлять и усовершать его при жизни, но ты заботишься только о себѣ, а не объ немъ. Впрочемъ, если онъ умеръ грѣшникомъ, то и въ такомъ случаѣ надобно радоваться, что прекратились грѣхи его и что онъ не приложилъ еще зла ко злу, и помогать ему, сколько возможно, не слезами, а молитвами, моленіями, милостынями и приношеніями. Ибо все это установлено не напрасно; не напрасно мы совершаемъ при Божественныхъ таинствахъ поминовеніе объ умершихъ и ходатайствуемъ за нихъ, умоляя предлежащаго Агнца, вземшаго грѣхи міра, но для того, чтобъ имъ было отъ того нѣкоторое утѣшеніе; не напрасно предстоящій предъ жертвенникомъ, при совершеніи страшныхъ таинствъ, взываетъ: «о всѣхъ во Христѣ усопшихъ и память о нихъ творящихъ». Если бы о нихъ не совершались поминовенія, то не произносились бы эти слова. Наши дѣй-

ствія—не зрѣлищныя представленія;—да не будетъ,—они совершаются по устроенію Духа.

Будемъ помогать умершимъ и совершать о нихъ поминовеніе. Ибо если дѣтей Іова очищала жертва отца (Іов. 1, 5), то почему ты сомнѣваешься, что, когда и мы приносимъ жертву за умершихъ, то имъ бываетъ нѣкоторое утѣшеніе? Богъ часто подаетъ благодать однимъ за другихъ. Это объяснилъ ап. Павелъ, когда сказалъ: *да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о васъ* (2 Кор. 1, 11 [1]). Не облѣнимся же помогать умершимъ и приносить за нихъ молитвы; ибо предлежитъ общее очищеніе вселенной. Поэтому мы и молимся тогда съ дерзновеніемъ о всей вселенной и именуемъ ихъ вмѣстѣ съ мучениками, исповѣдниками и священниками. Ибо мы всѣ одно тѣло, хотя члены—одни другихъ превосход-

---

[1]) По русск. переводу: *Дабы за дарованное намъ, по ходатайству многихъ, многіе возблагодарили за насъ.*

нѣе. Такъ, отвсюду возможно снискивать имъ прощеніе, и отъ молитвъ, и отъ приносимыхъ за нихъ даровъ, и отъ призываемыхъ вмѣстѣ съ ними [1]).

Послушайте, жены, которыя любите плакать и предаетесь безмѣрной скорби: вы поступаете по-язычески. Если же скорбѣть объ умершихъ свойственно язычникамъ, то скажи мнѣ, кому прилично сокрушаться и терзать щеки? Зачѣмъ плачешь ты, если вѣруешь, что умершій воскреснетъ, что онъ не погибъ, что смерть есть сонъ и покой?—Затѣмъ, говоришь, что я лишилась въ немъ супруга, защитника, попечителя и помощника во всѣхъ дѣлахъ и нуждахъ. Когда ты лишилась сына въ младенческомъ возрастѣ (находившагося), который еще ничего не могъ для тебя сдѣлать, тогда о чемъ плачешь, о чемъ жалѣешь? Онъ, говоришь, подавалъ благія надежды, и я ожидала, что онъ

---

[1]) Бесѣды на первое посл. къ Коринө. Ч. II. Изд 2-е Спб. 1859 г., стр. 397—398.

со временемъ будетъ имѣть обо мнѣ попеченіе. Поэтому-то я сожалѣю о мужѣ, поэтому-то— о сынѣ, поэтому-то терзаюсь и рыдаю;—не потому, чтобъ я не вѣровала въ воскресеніе, но потому, что стала безпомощною и лишилась покровителя, сожителя, сообщника во всемъ, утѣшителя. Вотъ, почему плачу я! Знаю, что онъ воскреснетъ, но не могу (равнодушно) переносить и временной разлуки. Множество угрожаетъ мнѣ непріятностей: всякій, кто бы ни захотѣлъ, можетъ обидѣть меня; рабы, прежде боявшіеся меня, теперь презираютъ и наносятъ оскорбленіе; кто былъ облагодѣтельствованъ умершимъ, тотъ забылъ его благодѣянія; кто былъ имъ обиженъ, тотъ по злобѣ къ нему изливаетъ гнѣвъ на меня. Поэтому-то не могу равнодушно переносить вдовства и не плакать горько; потому-то терзаюсь, потому-то плачу. Итакъ, чѣмъ утѣшимъ ихъ? Что скажемъ? Чѣмъ утолимъ печаль ихъ? Напередъ я постараюсь доказать имъ, что плачъ ихъ происходитъ не отъ этихъ

причинъ, а отъ безразсудной страсти. Ибо если ты по этимъ причинамъ скорбишь, то тебѣ надлежитъ по умершемъ скорбѣть безпрестанно. Но ежели по прошествіи одного года ты до того забываешь его, что живешь, какъ будто ничего не случилось съ тобой, то, очевидно, оплакиваешь не умершаго и не покровительство его, но скорбишь потому, что не можешь перенести (равнодушно) вдовства и прекращенія супружества. Что скажутъ (противъ сего) вступившія во второй бракъ? Конечно, онѣ уже не жалѣютъ о прежнихъ мужьяхъ. Впрочемъ не къ нимъ мы обратимъ слово, а къ тѣмъ, которые питаютъ искреннюю привязанность къ умершимъ. Почему плачешь ты о сынѣ, почему о мужѣ? О первомъ, говоришь, потому, что онъ не принесъ мнѣ ожидаемой радости, а о другомъ потому, что я надѣялась далѣе дѣлить съ нимъ радости. Между тѣмъ не крайнее ли невѣріе ты обнаруживаешь, полагая, что мужъ или сынъ—твой защитникъ, а не Богъ? Какъ

тебѣ не придетъ на мысль то, что ты этимъ оскорбляешь Бога? Онъ часто и отнимаетъ ихъ для того, чтобы ты не была привязана къ нимъ до такой степени, чтобы на нихъ единственно возлагать свои надежды. Ибо Богъ ревнивъ и хочетъ, чтобы мы болѣе всего любили Его, и это происходитъ оттого, что Онъ весьма любитъ насъ: ибо вы знаете, что таково свойство пламенно любящихъ; они крайне ревнивы и скорѣе согласны потерять жизнь, нежели видѣть торжество своихъ соперниковъ. Поэтому Богъ и отнялъ его,—именно по этимъ причинамъ.

Не люби мужа больше, чѣмъ Бога, и никогда не испытаешь вдовства; а хотя бы оно постигло тебя, не почувствуешь его тяжести. Почему? Потому что покровителемъ ты имѣешь Безсмертнаго, болѣе любящаго тебя. Если же Бога любишь больше, то не плачь; ибо болѣе Любимый безсмертенъ и не попуститъ сокрушаться о потерѣ того, кого ты меньше любишь. Поясню тебѣ это примѣромѣ Если бы

ты имѣла мужа во всемъ поступающаго по твоему желанію, почтеннаго, ради котораго и тебя всюду уважали бы и почитали,—уважаемаго всѣми, умнаго, разсудительнаго, любящаго тебя, если бы ты была съ нимъ счастлива и прижила съ нимъ дитя, которое по томъ, не достигши зрѣлаго возраста, умерло бы; то скажи мнѣ, неужели бы ты сталъ сокрушаться отъ скорби? Нѣтъ! ибо потерю его восполнилъ бы болѣе тобою любимый мужъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, если ты больше любишь Бога, нежели мужа, то Онъ, конечно, не скоро возьметъ его, а если бы и взялъ, то ты не стала бы горько скорбѣть. Поэтому-то и блаженный Іовъ нисколько не предался горести, услышавши о внезапной смерти дѣтей, потому что больше любилъ Бога, нежели ихъ. Слѣдовательно, эта потеря не могла опечалить его потому, что живъ былъ Тотъ, Кого онъ любилъ. Что говоришь ты, жена? Мужъ или сынъ былъ бы тебѣ защитою? А Богъ развѣ не печется о тебѣ?

А его самого кто далъ тебѣ, не Онъ ли? А тебя кто *сотворилъ, не Онъ ли?* Ужели Тотъ, Который привелъ тебя изъ небытія въ бытіе, вдохнулъ въ тебя душу, *вложилъ* умъ, благоволилъ даровать тебѣ познаніе о Себѣ и Который Сына Своего Единороднаго не пощадилъ для тебя,—не жалѣетъ тебя, а пожалѣетъ тебя такой же, какъ и ты, рабъ? Какой великій гнѣвъ возбуждаютъ слова эти! Что подобное получила ты отъ мужа? Ничего не можешь сказать. Ибо если онъ и оказалъ тебѣ какое-либо благодѣяніе, то сдѣлалъ это, бывъ напередъ облагодѣтельствованъ тобою. Но о Богѣ никто ничего подобнаго сказать не можетъ: *ибо* Богъ не потому благотворитъ намъ, чтобы воздать за наши прежде оказанныя Ему *благодѣянія, но, ни* въ чемъ нужды не имѣя, по одной Своей благости благотворитъ роду человѣческому. *Онъ обѣщалъ* тебѣ царство, даровалъ жизнь вѣчную, славу, братство, усыновленіе, сдѣлалъ сонаслѣдницею Единороднаго, а ты послѣ стольких благъ

вспоминаешь еще о мужѣ! Чго такое онъ даровалъ тебѣ? Богъ повелѣлъ восходить солнцу Своему, посылаетъ дождь, ежегодно произрастающими питаетъ плодами. Горе намъ столь неблагодарнымъ! Поэтому-то Богъ отнимаетъ мужа, дабы ты не была (исключительно) привязана къ нему, а ты еще и по смерти его желала бы имѣть его и оставляешь Бога, будучи обязана благодарить Его и всецѣло обратиться къ Нему. Что получала ты отъ мужа? Болѣзни чадородія, труды, оскорбленія, частыя укоризны, выговоры и огорченія,— не это ли терпятъ жены отъ мужей? Но съ другой стороны есть, говоришь, и выгоды. Какія же это? Онъ наряжалъ тебя въ дорогія одежды? Возлагалъ на лице твое золотыя украшенія? Заставлялъ всѣхъ уважать тебя? Но если ты захочешь, то Богъ украситъ тебя украшеніемъ гораздо лучшимъ, нежели (тѣ, которыя давалъ тебѣ) умершій. Ибо честность болѣе украшаетъ женщину, нежели золотые уборы. Но ты заботишься, кто будетъ кормить оставшихся дѣ-

тей? Отецъ сиротъ. Ибо кто далъ ихъ, скажи мнѣ? Не слышишь ли, что Христосъ говоритъ въ Евангеліи: *не душа ли больше есть пищи и тѣло одежди* (Мѳ. 6, 25)? Видишь ли, что причина плача не во вдовствѣ, а въ невѣріи [1])?

Или ты потерялъ сына? Не потерялъ; не говори такъ. Это сонъ, а не смерть, переселеніе, а не потеря, переходъ отъ худшаго къ лучшему. Не раздражай Бога, но умилостивляй Его; если перенесешь великодушно, то отсюда будетъ нѣкоторое утѣшеніе и умершему и тебѣ; если же нѣтъ, то ты еще болѣе прогнѣваешь Бога. Не поступай же такъ, но благодари Бога, дабы такимъ образомъ разсѣялось облако твоей печали; скажи подобно блаженному Іову: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. 1, 21); представь, сколь многіе, болѣе тебя угодившіе Богу даже вовсе не имѣли дѣтей и не назывались отцами. И я, ска-

---

[1]) Бесѣды на первое посл. къ Ѳессалоникійцамъ. Спб. 1859 г., стр. 98—104.

жешь, не желалъ бы имѣть ихъ; потому что лучше не испытывать удовольствія, нежели, испытавъ, лишиться его. Нѣтъ, увѣщеваю тебя, не говори этого, не раздражай Господа; но благодари и за то, что получилъ, благословляй и за то, чего не удержалъ до конца. Не говорилъ Іовъ: «лучше было бы не имѣть», какъ говоришь ты, неблагодарный, но и за то благодарилъ: *Господь даде*, и за это благословлялъ: *Господь отъятъ; буди имя Господне благословенно во вѣки.* И женѣ, заграждая уста и вразумляя ее, онъ сказалъ такія чудныя слова: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. 2, 10 [1])? И послѣ, когда онъ подвергся тягчайшему искушенію, также не поколебался, но терпѣлъ столь же великодушно и славословилъ Бога. Такъ поступай и ты и помышляй въ себѣ самомъ, что не человѣкъ взялъ сына твоего, но Богъ, Который сотворилъ

[1]) По русск. переводу: *Неужели доброе мы будемъ принимать отъ Бога, а злого не будемъ принимать?*

его, Который болѣе тебя печется о немъ и знаетъ, что ему полезно, а не врагъ какой-нибудь или человѣкъ недоброжелательный. Вспомни, сколь многія дѣти, оставшись въ живыхъ, дѣлали родителямъ жизнь не въ жизнь. Но, скажешь, добродѣтельныхъ развѣ ты не видишь? Вижу и ихъ; но состояніе твоего сына безопаснѣе, нежели ихъ; они теперь заслуживаютъ похвалу, но конецъ ихъ неизвѣстенъ; а за него тебѣ уже не надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь съ нимъ не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла съ нимъ перемѣна. Такъ же разсуждай и о женѣ доброй и домовитой и за все благодари Бога. Если бы ты лишился и жены, благодари Его; можетъ быть, Богъ хочетъ привести тебя къ воздержанію, призываетъ къ большимъ подвигамъ, хочетъ освободить тебя отъ узъ [1]).

---

[1]) Бесѣды на первое посл. къ Коринѳ. Ч II, стр. 399—400.

Смерть есть вещь безразличная; такъ какъ смерть не есть зло, но зло — послѣ смерти мучиться. Равно смерть не есть и добро, но добро — по смерти быть со Христомъ. Что бываетъ по смерти, то добро или зло.

Итакъ, мы должны скорбѣть не о всѣхъ умирающихъ и радоваться не о всѣхъ живущихъ. Какъ же? Мы должны плакать о грѣшникахъ не умирающихъ только, но и живущихъ; и радоваться о праведныхъ не только живыхъ, но и скончавшихся. Ибо тѣ и при жизни умерли, а эти и по смерти живутъ. Тѣ и въ сей жизни жалки для всѣхъ, такъ какъ оскорбляютъ Бога; а эти, и туда переселясь, блаженны, такъ какъ отошли ко Христу. Грѣшники, гдѣ-бъ ни были, далеки отъ Царя, посему достойны слезъ, а праведные здѣсь или тамъ вмѣстѣ съ Царемъ и тамъ они еще гораздо ближе къ Нему не созерцаніемъ, не вѣрою, но, какъ сказано, *лицемъ къ лицу*. Итакъ, будемъ оплакивать не всѣхъ умершихъ, но умершихъ во грѣхахъ. Эти

достойны плача, рыданія и слезъ. Ибо какая, скажи мнѣ, надежда отойти во грѣхахъ туда, гдѣ уже нельзя сложить съ себя грѣховъ? Доколѣ они были здѣсь, то очень можно было ожидать, что они перемѣнятся, что будутъ лучше; а когда пошли во адъ, то тамъ нельзя получить пользы отъ покаянія. *Во адѣ же*, сказано, *кто исповѣстся тебѣ* (Пс. 6, 6)? Какъ же они не достойны слезъ? Будемъ плакать о тѣхъ, которые такъ умираютъ, я не препятствую; будемъ плакать, но безъ нарушенія благопристойности, какъ то: не будемъ рвать (на себѣ) волосъ, обнажать рукъ, терзать лице, надѣвать черныя одежды, а только будемъ въ душѣ тихо проливать горькія слезы. Ибо и безъ этого обряда можно горько плакать, а не шутить только; такъ какъ ни мало не отличается отъ шутокъ то, что нѣкоторые дѣлаютъ. Эти публичныя терзанія бываютъ не отъ состраданія, но на показъ изъ честолюбія и тщеславія. Многія женщины дѣлаютъ

это по ремеслу [1]). Плачь горько и стенай долго, гдѣ никто не видитъ; это есть дѣло состраданія, это и тебѣ принесетъ пользу. Ибо кто плачетъ такъ о другомъ, тотъ тѣмъ болѣе самъ будетъ стараться, чтобъ не подвергнуться тому же. Послѣ этого и грѣхъ тебѣ будетъ страшенъ. Плачь о невѣрныхъ, плачь о тѣхъ, которые нисколько не отличаются отъ нихъ, которые умираютъ безъ крещенія и мѵропомазанія; подлинно, эти достойны слезъ и сѣтованія. Они внѣ царскаго чертога съ обвиненными и осужденными. *Аминь глаголю вамъ, аще кто, не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе*

---

[1]) Во времена св І. Златоуста не только въ языческомъ, но и въ христіанскомъ обществѣ Византіи были такъ называемыя „плакальщицы“, т. е. женщины, нанимавшіяся за извѣстную плату оплакивать покойника Онѣ, обыкновенно, съ громкимъ плачемъ провожали усопшаго на кладбище. Оплакиванье умершаго сдѣлалось такимъ образомъ своего рода ремесломъ для нѣкоторыхъ христіанскихъ женщинъ. *Прим. состав.*

Божіе (Іоан. 3, 5 [1]). Плачь о тѣхъ, которые умерли въ богатствѣ и изъ своего богатства не придумали сдѣлать ничего къ утѣшенью душъ своихъ, которые имѣли возможность очистить грѣхи свои и не хотѣли. Объ нихъ будемъ плакать всѣ и порознь и вмѣстѣ, только съ благопристойностью, не теряя степенности, такъ, чтобъ не подвергнуть себя осмѣянію. Будемъ плакать объ нихъ не одинъ, не два дня, но во всю нашу жизнь. Эти слезы— слѣдствіе не безразсудной страсти, но нѣжной любви; а тѣ (слезы) происходятъ отъ безумной страсти и потому скоро осушаются. Ибо, что происходитъ изъ страха Божія, то постоянно. Итакъ, будемъ оплакивать ихъ, будемъ помогать имъ по силамъ, придумаемъ для нихъ какое-либо пособіе, хотя небольшое, однакожъ могущее помочь. Какъ и какимъ образомъ? Сами молясь и другихъ убѣждая

---

[1]) По русск. переводу: *Истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе.*

молиться за нихъ, всегда подавая за нихъ бѣднымъ. Это доставитъ нѣкоторое облегченіе. Ибо слушай, что говоритъ Богъ: *защищу градъ сей Мене ради и Давида ради раба Моего* (4 Цар. 20, 6). Если только память праведника была столько сильна, то какъ не сильны будутъ дѣла, творимыя за усопшаго? Не напрасно установили Апостолы, чтобы при совершеніи страшныхъ Таинъ поминать усопшихъ. Они знали, что отъ этого много имъ[1]) пособія, много пользы. Ибо когда весь народъ и священный ликъ стоитъ съ воздѣяніемъ рукъ и когда предлежитъ страшная жертва, то какъ не умолимъ Бога, прося за нихъ? Но это говоримъ о тѣхъ, которые скончались въ вѣрѣ. А оглашенные не удостоиваются сего утѣшенія, но лишены всякаго таковаго пособія, кромѣ одного нѣкотораго. Какого же именно? За нихъ можно подавать бѣднымъ; это доставляетъ имъ нѣкоторую отраду. Ибо

---

[1]) Т. е. усопшимъ. *Прим. состав.*

Богу угодно, чтобъ мы помогали другъ другу. Иначе для чего бы Онъ повелѣлъ молиться о мирѣ и благосостояніи міра, для чего бы о всѣхъ людяхъ? Хотя здѣсь между всѣми есть и разбойники, и гробокопатели, и воры, и исполненные безчисленныхъ пороковъ, однакожъ мы молимся за всѣхъ; можетъ быть это послужитъ сколько-нибудь къ ихъ обращенію. Поэтому какъ мы молимся за живыхъ, которые нисколько не отличаются отъ мертвыхъ, такъ можно молиться и за умершихъ. Іовъ приносилъ жертвы о дѣтяхъ и очищалъ ихъ отъ грѣховъ: *негли*, говоритъ онъ, *когда и въ мысли своей помыслиша* (Іов. 1, 5 [1]).

Ты, когда слышишь, что Христосъ воскресъ нагимъ [2]), перестань безумно тратиться

[1]) Толкованіе на посл. къ Филипп. Изд. 2 е, стр 61—65.

[2]) Св. Евангел. Іоаннъ повѣствуетъ, что, когда по воскресеніи Господа Іисуса Христа изъ мертвыхъ Апостолы Петръ и Іоаннъ прибѣжали ко гробу Іисусову, то, наклонившись, они увидѣли лежащими во гробѣ по-

на погребеніе. Что, въ самомъ дѣлѣ, значатъ эти излишнія и безполезныя издержки? Погребающимъ онѣ причиняютъ большой убытокъ, а умершему не приносятъ никакой пользы и, если сказать правду, даже вредны. Великолѣпныя похороны неоднократно бывали причиною разграбленія могилъ и производили то, что погребенный нѣкогда со всею изысканностію лежалъ потомъ нагой и безъ погребенія. Но, о тщеславіе! Сколь великую власть оно обнаруживаетъ среди самого плача! До какого безумія доводитъ оно! Многіе въ отвращеніе грабежа раздираютъ тонкія погребальныя пелены и наполняютъ ихъ множествомъ ароматовъ, чтобы вдвойнѣ сдѣлать ихъ безполезными для похитителей, и такимъ образомъ предаютъ землѣ. Не безуміе ли это? Не помѣшательство ли это ума—выказывать велико-

---

гребальныя пелены и платъ, бывшій на главѣ Христовой; причемъ послѣдній лежалъ свитымъ на особомъ мѣстѣ, отдѣльно отъ первыхъ (Іоан. 20, 3—7; ср. Лк. 24, 12). *Прим. состав.*

лѣніе и въ то же время уничтожать его? Нѣтъ, скажешь, мы придумываемъ все это для того, чтобъ одежды безопасно лежали на мертвецѣ. Что же? Если не возьмутъ ихъ воры, то не поѣдятъ ли ихъ моль и черви? А если не поѣдятъ моль и черви, то не истребитъ ли время и тлѣніе? Но положимъ, что ни воры, ни моль, ни черви, ни время, ни другое что не истребятъ вещей, положенныхъ въ могилу; положимъ, что и тѣло останется неповрежденнымъ до самаго воскресенія и всѣ тѣ вещи сохранятся новыми, прочными и тонкими, какая отъ этого польза для отшедшихъ, когда тѣло возстанетъ нагимъ, а всѣ эти вещи останутся здѣсь (на землѣ) и не принесутъ намъ никакой пользы во время будущихъ истязаній? Но почему же, скажешь, такъ было при погребеніи Христовомъ? Тебѣ вовсе не слѣдуетъ сравнивать погребенія Христова съ погребеніями человѣческими. Тамъ было и то, что блудница изліяла мѵро на святыя ноги Его. Впрочемъ, если и объ этомъ надобно

сказать что-нибудь, то, во-первыхъ, это было сдѣлано людьми, которые не знали ученія о *воскресеніи. Потому-то Евангелистъ и говоритъ: якоже обычай есть Іудеомъ погребати* (Іоан. 19, 40). Вѣдь не изъ числа двѣнадцати (учениковъ) были тѣ, которые почтили Іисуса погребеніемъ; но то были (ученики), которые не весьма высоко цѣнили Его. Двѣнадцать (Апостоловъ) не такъ Его почтили, но—своею *смертію, преданіемъ себя на закланіе* и перенесеніемъ за Него разныхъ напастей. Правда, и то была честь, но гораздо ниже этой, о которой я сейчасъ сказалъ. Съ другой стороны, у насъ, какъ я уже сказалъ, теперь рѣчь о людяхъ; а тогда все это сдѣлано было для Господа. А чтобы ты зналъ, что Христосъ нисколько не желалъ этого,—послушай, что Онъ сказалъ: «вы видѣли Меня алчущимъ и—напитали; жаждущимъ и—напоили; нагимъ и—одѣли» (Мѳ. 25, 35—39); но нигдѣ не сказалъ: «умершимъ и—погребли». Я это говорю не съ тѣмъ, чтобъ истребить обычай погребе-

нія; нѣтъ, —но съ тѣмъ, чтобъ пресѣчь роскошь и неумѣстное великолѣпіе. Къ этому, скажешь, располагаетъ скорбь, и печаль, и сострадание къ умершему. Нѣтъ, — это происходитъ не отъ состраданія къ умершему, но отъ тщеславія. Если же ты хочешь оказать соболѣзнованіе умершему, я укажу тебѣ *иной способъ* погребенія и научу тебя облекать его въ такія одежды, которыя возстанутъ съ нимъ и представятъ его въ блистательномъ видѣ. Эти одежды ни молью не истребляются, ни временемъ не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какія же это одежды? Это—одѣяніе милостыни. Эта одежда возстаетъ вмѣстѣ съ умершимъ, потому что печать милостыни навсегда остается съ нимъ. Этими-то одеждами будутъ блистать тѣ, которые тогда услышатъ: «вы напитали Меня, когда Я алкалъ». Эти одежды дѣлаютъ умершихъ славными, знаменитыми и безопасными, а одежды нынѣшнія — нечто иное, какъ пища моли и трапеза червей. И это я говорю не потому, чтобы запрещалъ имѣть

попеченіе объ умершихъ, но для того, чтобы вы дѣлали это съ умѣренностію, прикрывали лишь тѣло и не предавали его землѣ нагимъ. Если и живымъ не слѣдуетъ имѣть ничего больше, какъ только покровъ тѣла, то тѣмъ болѣе умерщимъ, потому что мертвое тѣло не столько нуждается въ одеждахъ, сколько живое и дышащее. Пока мы живемъ, намъ нужно одѣяніе и по причинѣ холода и для благоприличія; а коль скоро мы умерли, у насъ нѣтъ этихъ нуждъ, и только для того, чтобы тѣло не лежало нагимъ, намъ нужны погребальныя пелены. Самыя же лучшія у насъ погребальныя пелены это—земля, покрывало прекраснѣйшее и самое приличное нашему земному тѣлу. Итакъ, если теперь, когда у насъ столько нуждъ, не надобно искать ничего излишняго, то тѣмъ болѣе неумѣстна пышность тогда, когда нѣтъ такихъ нуждъ.

Но люди, скажешь, которые будутъ видѣть это, станутъ смѣяться. Если бы и сталъ кто

смѣяться, на того, очевидно, не слѣдуетъ обращать большого вниманія, какъ на человѣка совершенно глупаго. Многіе, напротивъ, скорѣе будутъ удивляться намъ и хвалить наше любомудріе. Не это, чему мы учимъ, достойно смѣха, но то, что мы теперь дѣлаемъ, когда плачемъ, рыдаемъ и какъ бы погребаемъ себя съ умершими. Вотъ что достойно и смѣха, и наказанія; а любомудріе во всемъ этомъ, равно какъ и соблюденіе умѣренности въ одеждахъ, доставляетъ намъ вѣнцы и похвалы. Въ этомъ случаѣ всѣ насъ восхвалятъ, подивятся силѣ Христовой и скажутъ: «Ахъ, какъ велика сила Распятаго! Онъ убѣдилъ смертныхъ и тлѣнныхъ, что смерть не есть смерть, и вотъ они поступаютъ (при погребеніи умершихъ) такъ, какъ будто они не умираютъ, но переселяются въ лучшую страну. Онъ убѣдилъ ихъ, что это тлѣнное и земное тѣло облечется въ одежду гораздо блистательнѣйшую шелковыхъ и златотканныхъ одеждъ, — облечется въ нетлѣніе; и потому

они не много заботятся о похоронахъ, но считаютъ самымъ лучшимъ погребальнымъ украшеніемъ добродѣтельную жизнь». Такъ всѣ будутъ говорить о насъ, когда увидятъ насъ любомудрствующими. Если же увидятъ, что мы терзаемся скорбію, малодушествуемъ и окружаемъ себя хоромъ рыдающихъ женщинъ, то будутъ издѣваться и смѣяться надъ нами и тысячу разъ осудятъ насъ, укоряя за безразсудную трату и напрасный трудъ. И мы слышимъ, что за это дѣйствительно всѣ осуждаютъ насъ, и весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, какое мы будемъ имѣть извиненіе, когда тѣло наше, истребляемое тлѣніемъ и червями, украшаемъ, а Христа, жаждущаго, нагого и странника презираемъ? Отстанемъ же отъ этой суетной заботы. Будемъ погребать умершихъ такъ, чтобъ это полезно было и намъ, и имъ, къ славѣ Божіей. Будемъ раздавать за нихъ обильную милостыню и препровождать ихъ съ этимъ прекраснѣйшимъ напутствіемъ. Итакъ, когда кто будетъ уми-

рать, пусть родственники умирающаго приготовляютъ для него погребальное одѣяніе и пусть убѣждаютъ его предъ кончиною оставить что-нибудь бѣднымъ. Пусть съ этою одеждою онъ отойдетъ (въ вѣчность), пусть и Христа оставитъ своимъ наслѣдникомъ. Если тѣ, которые назначатъ по себѣ наслѣдниками царей, оставляютъ чрезъ то въ величайшей безопасности своихъ родныхъ, то представь себѣ, какое пріобрѣтетъ благоволеніе и себѣ, и всѣмъ своимъ тотъ, кто вмѣстѣ съ дѣтьми оставитъ своимъ наслѣдникомъ и Христа! Вотъ прекрасное одѣяніе для умершихъ! Оно полезно какъ остающимся въ живыхъ, такъ и отходящимъ (въ вѣчность), Если въ такомъ видѣ мы будемъ погребены, то явимся блистательными во время воскресенія. А если, заботясь о тѣлѣ, пренебрежемъ душою, то потерпимъ тогда много бѣдъ и подвергнемся великому осмѣянію. Не малое безобразіе—отойти отсюда безъ добродѣтели; не столько позорно для тѣла быть поверженнымъ безъ погребенія,

сколько для души—явиться тогда безъ добрыхъ дѣлъ [1]).

Гроби ихъ — жилища ихъ во вѣкъ (Пс. 48, 12). Что можетъ быть хуже такого безумія—считать гробницы вѣчнымъ жилищемъ и превозноситься ими? Такъ, многіе часто строятъ гробницы великолѣпнѣе домовъ. Они трудятся и безпокоятся или для враговъ, или для червей и праха, расточая имущество безъ всякой пользы. Таковъ образъ мыслей у тѣхъ, которые ничего не надѣются въ будущемъ. Но при этомъ мнѣ нужно оплакивать и многихъ другихъ, которые, и надѣясь на будущее, подражаютъ не имѣющимъ никакой надежды въ будущемъ, созидая гробницы, воздвигая великолѣпные памятники, зарывая золото въ землю, расточая имущество свое на другихъ и такимъ образомъ оказываясь хуже тѣхъ людей. Кто не ожидаетъ ничего послѣ настоящей жизни, тотъ заботится о здѣшнихъ благахъ, хотя не-

---

[1]) Бесѣды на Еванг. Іоанна. Ч. II, стр 508—514.

разумно, но, по крайней мѣрѣ, потому, что не ожидаетъ ничего лучшаго; а ты, человѣкъ, знающій о жизни будущей, о тамошнихъ не изреченныхъ благахъ, о томъ, что, по изреченію Евангельскому, *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце* (Мѳ. 13, 43), какое можешь получить прощеніе, какое можешь имѣть оправданіе? Какому не подвергнешься ты справедливому наказанію, когда все расточаешь здѣсь на прахъ, на пепелъ, на памятники? Подлинно, скажи мнѣ, что можетъ быть безумнѣе людей, занимающихся гробницами и памятниками и удивляющихся надписаніямъ чужихъ именъ? Ничто не оставляетъ о насъ памяти, кромѣ одной добродѣтели. *Въ память вѣчную будетъ праведникъ* (Пс. 111, 6). Гдѣ тѣ, которые строятъ драгоцѣнныя гробницы и воздвигаютъ великолѣпныя зданія? Пусть они выслушаютъ, что дѣлаетъ память вѣчною, — не каменныя зданія, не ограды и башни, а совершеніе добрыхъ дѣлъ [1]).

---

[1]) Бесѣды на Псалмы, - т. I, стр. 418—421 и т. II, стр. 40—41.

Итакъ станемъ одѣвать душу, станемъ убирать ее въ продолженіе всей нашей жизни. Если же при жизни мы нерадѣли объ ней, образумимся, по крайней мѣрѣ, при смерти и заповѣдуемъ сродникамъ нашимъ помочь намъ по смерти милостынею. При такомъ взаимномъ содѣйствіи другъ другу, мы получимъ великое дерзновеніе по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь» [2]).

---

[2]) Бесѣды на Еванг. Іоанна. Ч. II, стр. 514.